

25 DECEMBRE 1935 **LES COSAQUES LIERES** IX^e ANNEE

25 ДЕКАБРЯ 1935 г. № **189** 25 ГРУДНЯ 1935 р.

ПАРИЖ **PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й РІК ВИДАННЯ 9-ий

Содержание:

1. **И. К. Скубани:** Дар деда-Мороза.
2. Праздник В.К. в Париже.
3. Праздник В.К. в Ганновере.
4. **Г. Козловский:** После праздника.
5. Праздник В. К. в Праге.
6. Трагедия Казачества.
7. **Николай Посохов:** Путями предков.
8. **Свящ. Димитрий Чирской:** Ростки.
9. **Казачья эмиграция.**

Почтовый ящик:

Августов. Ф. С. Спасибо. Привет.
Виши С. Ч. Получено. Привет.
Нове Кошары И. П. Получено. Привет.
Мон-Ферран. И. П. Ответ будет письмом. Привет.
Сенс. А. К. Ответ будет письмом. Привет.
Крезо. П.В. Получено. Спасибо. Привет.
Валянс. В. Получено. Спасибо. Привет.
Галич. О. К. Одержали. Дякуемо.
Коломбье. Н. В. Получено. Привет.

Предупреждение

КО МНЕ ВСЕ ЧАЩЕ ОБРАЩАЮТСЯ В. КАЗАКИ С ПРОСЬБОЙ ОБ ОКАЗАНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ.

Я ПРИЗНАЮ, ЧТО ПОЧТИ ВСЕ ОБРАЩАЮЩИЕСЯ В ТАКОЙ ПОМОЩИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НУЖДАЮТСЯ И ЕЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ.

НО Я ДОЛЖЕН ЕЩЕ РАЗ ПРЕДУПРЕДИТЬ ВСЕХ В. КАЗАКОВ, ЧТО Я НЕ ИМЕЮ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ОКАЗЫВАТЬ КОМУ БЫ ТО НИ БЫЛО МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ.

ВЫНУЖДЕН ПИСАТЬ ЭТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МЕНЬШЕ БЫЛО ПОТОМ ПЕРЕПИСКИ, ЧТОБЫ МЕНЬШЕ БЫЛО НА ЭТОЙ ПОЧВЕ «НЕДОРАЗУМЕНИЙ» И НЕДОВОЛЬСТВ.

ПОХОДНЫЙ АТАМАН ВК инж. И. БИЛЫЙ.

КО ВСЕМ ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ.

Редакция «В. К.» приступает к печатанию отдельного издания III части «Трагедии Казачества». Эта третья часть будет по крайней мере в два раза больше II части. Кроме того, такое издание в Париже вообще стоит дороже, чем в Праге. — НУЖНА ПОМОЩЬ.

Как могут казаки помочь делу? — Весьма просто: пусть каждый, за кем числится долг за журнал, заплатит его теперь же. Пусть каждый тот, кто может, внесет подписку на следующий 1936 год, не откладывая дела в долгий ящик.

А главное — пусть каждый вольный казак приобретет себе III ч. «Трагедии Казачества», уплатив теперь же ее стоимость. Стоимость эта, предполагается, будет равна 15 фр. франкам или 1 америк. доллару.

Кто будет платить за журнал, пусть сразу платит и за III часть «Т. К.»

Из-за границы, вместо посылки 1 доллара, можно посылать в письме 10 международных почтовых купонов.

Во Франции небольшие суммы можно присылать в письмах почтовыми марками.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Козачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация: **10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 189 *Среда 25 декабря 1935. — Середа 25 грудня 1935.* № 189

И. К Скубани

Дар деда-Мороза

Мой подарок казачатам к празднику Рождества Христова.

Раз, — это было на Кубани
В последних числах декабря, —
Мороз гулял, усевшись в сани,
Все по дороге серебря.
Посыпал жемчугом дубравы,
Украсил сосны бирюзой,
Примял, кой-где, сухие травы,
Намел сугробы над рекой.
И, увлекаяся потехой,
Он елку пышную сломил
И с беззаботным, звонким смехом
Ее на сани положил.
И вот несется конь по воле...
Мороз в станицу повернул
И, подкативши быстро к школе,
Во двор обширный заглянул.
Там копошилися ребята,
Была возня и громкий крик...
— «Эй вы, примите дар богатый!»
Сказал им ласково старик.

Да берегите эти ветки,
Они как яхонты блестят,
На них, глядите, есть пометки:
«Для всех родимых казачат».
Мальцы подарок редкий взяли
И в школу бережно внесли,
А в темный вечер в светлом зале,
На елке свечи разожгли.
И гордо высилася елка
Вся в паутине серебра
И с песней шумной, без умолка,
Вокруг плясала детвора.
А за окном, стекла касаясь,
Морозко-дедушка скрипел.
И, добродушно улыбаясь,
На радость бурную смотрел...
...С тех пор, зимой суровой,
Дарит он детям деревцо
И в день Рождения Христова
В окно глядит его лицо...

ПОХОДНЫЙ АТАМАН
и РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВК»
сердечно поздравляют всех вольных казаков с наступающими:
ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
и НОВЫМ ГОДОМ!

В грядущем году, по мнению иностранцев, будут решаться судьбы Европы. Тем самым будет решаться и судьба наша. Всему Казачеству надо прекратить взаимную борьбу. Всему Казачеству надо выйти на свою Казачью Дорогу. Всему Казачеству надо обратить все свои силы только против одного своего врага и поставить перед собою только одну цель — Казачью Цель.

На чужих дорогах можем только разойтись. Сойтись можем только на Дороге своей.

Долой оккупантов!
Да здравствует Казакия!
Слава Казачеству!

ВСЕМ ПОЗДРАВИВШИМ ПОХОДНОГО АТАМАНА И РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «В. К.» С ПРАЗДНИКОМ «10 ДЕКАБРЯ» — ИСКРЕННЕЕ СПАСИБО.
БУДЕМ НЕУСТАННО ПРОДОЛЖАТЬ НАЧАТОЕ ДЕЛО КАЗАЧЬЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ, ДЕЛО КАЗАЧЬЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ДО УСПЕШНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ НАШИХ СТРЕМЛЕНИЙ — ДО СОЗДАНИЯ КАЗАЧЬЕГО ГОСУДАРСТВА —

КАЗАКИИ.

Праздник В К в Париже

По просьбе вольных казаков, праздник «10 декабря» в Париже был назначен в этом году на субботу 7 декабря (в противном случае, многие из работающих в. казаков не смогли бы побывать на своем празднике).

В том же помещении, что и в прошлом году, собрались вольные казаки Парижской имени А. И. Кулабухова станицы во главе со своим станичным атаманом и гости — украинцы и кавказцы.

Открывая праздник, Походный Атаман ВК инж. **И. А. Билый** произносит краткое вступительное слово:

— Сегодня мы, вольные казаки, казаки-националисты, восьмой раз уже празднуем день выхода в свет первого номера нашего журнала, празднуем день рождения казачьей национальной прессы, день рождения казачьей национальной литературы, день национального пробуждения и возрождения Казачества... Одновременно журнал возродил и казачье национально-освободительное движение, поставив себе задачей осуществление в жизни казачьей национально-освободительной программы...

Это движение — движение ВК — заняло роль авангарда и политического вожака национально мыслящего Казачества. Это движение вырвало казачий вопрос из чужих рук и взяло решение его в руки казачьи...

Вот почему день выхода в свет первого номера журнала «ВК» сделался в конце концов казачьим национальным праздником, праздником казачьих патриотов.

По установившейся уже традиции, первое наше слово в этот день принадлежит памяти «неизвестного казачьего патриота», памяти всех тех казаков, кто жизнь свою отдал за други своя, за свою казачью Родину — кто пал в борьбе с врагами на поле брани, кто сложил свою голову от руки палача... (Все встают).

Очень жалею, продолжает Атаман, что не могу говорить сейчас перед микрофоном радио... Хотел бы сказать нашим братьям, страдающим под красной московской оккупацией, всем роющим каналы на чужом им севере, всем рубящим советский лес, всем томящимся в чекистских застенках, — что близится конец их мучениям... Хотел бы сказать туда отсюда, что близится двенадцатый час нашего врага и близится наше освобождение... Хотел бы наши надежды передать и туда... Надежды и извещение, что мы не забываем их и работаем для них...

— В нашей среде мы принимаем сегодня гостей — представителей соседних народов. От чистаго сердца приветствуем их в своей семье... Доля наша нас сейчас об'единяет. Об'единяют и надежды. И все мы знаем теперь, что залог нашей победы — в нашем единении, в искреннем, не на словах, а на деле сотрудничестве. Тем более это возможно, что задачи наши одинаковы, а враг у нас один...

В прошлом мы не были вместе. Теперь мы иногда даже бросаем друг другу упреки за неудачное прошлое. Но, прошлое создавали не только мы: создавало его более глубокое прошлое, создавала и воля других, нам всем чужих... Сейчас, для нашего настоящего и будущего — только наша воля — закон. Как сделаем, так и будет. Какое приготовим сегодня, такое будет и завтра. И в это завтра нам не на кого было бы сваливать вину за свои неудачи, кроме как на себя самих. — Будем же работать сегодня вместе так, чтобы наша цепь не разорвалась ни в одном месте... У казаков воля к тому есть. Верю, что есть она и у вас, наши соседи, наши друзья по судьбе, наши союзники по завтрашней борьбе...

— Не буду говорить сегодня об итогах нашей работы, говорить о том, что сделано журналом за восемь лет — все это на виду у вас... А главное — наша работа только начинается, она — впереди, ибо впереди — борьба.

Напомню лишь, что в жизни ВК истекший восьмой год ознаменовался событием для него весьма важным: Вольное Казачество избрало себе Походного Атамана.

Это избрание — не только есть лишь организационное возглавление движения, это — предвидение грядущей борьбы и вера в ее счастливый для Казачества исход.

Не буду говорить и о задачах на ближайшее будущее. Скажу только, что это будущее будет более интересным для нашего дела, чем было недавнее прошлое, ибо настоящее сейчас таково, что каждый новый день может принести события самые неожиданные, — в том числе и для нас. И от нас самих, как это я всегда повторяю, будет зависеть, сумеем ли мы использовать их в полной мере в интересах казачьего дела.

Эти грядущие внешние события, потому что они будут интересны и значительны, требуют от нас, чтобы мы были сильны прежде всего на своем внутреннем фронте, чтобы были сильны наши собственные ряды. Я думаю, что все вольные казаки понимают это хорошо и без моих напоминаний...

Открывая сегодняшний наш праздник, я приветствую всех вольных казаков, приветствую всех своих сотрудников и глубоко верю, что недалек тот час, когда все мы скоро встретимся и пойдем в открытый бой со своими врагами за освобождение своих братьев, за лучшую долю Казачества, за создание самостоятельного, об'единенного казачьего государства — Казакии! (Аплодисменты).

— По нашему казачьему обычаю, — обращается Походный Атаман, через некоторое время к вольным казакам, — когда в доме гость, то первое место и первая честь принадлежат гостю. Поэтому и я первый наш сегодняшний тост предлагаю за здоровье наших гостей (продолжительные аплодисменты).

— Братья казаки, — снова обращается к в. к. П. Атаман, — сегодня в нашей среде присутствуют два особенных гостя — два украинских генерала. Один из них — бывший командующий Украинской армией ген. Омельянович-Павленко (бурные аплодисменты), а другой — его тогдашний ближайший соратник ген. Удовиченко (такие же аплодисменты). Приветствовать их в нашей семье мне особенно приятно, т. к. с ген. О.-Плавленком я как раз вел в свое время успешные переговоры о сведении всех казаков, попавших на украинский фронт, в особый казачий отряд, а первый казачий полк на украинском фронте сражался как раз под командою ген. Удовиченко. Приветствуя здесь двух украинских генералов, я хочу вспомнить одновременно и еще одного генерала, нашего славного соратника, не забывшего сегодня о нас и приславшего нам несколько приятных слов (читает): «Многоуважаемый Игнат Архипович! Искренно поздравляя Вас и Ваших славных сотрудников с восьмилетием руководимого Вами журнала «Вольное Казачество», прошу принять мои горячие пожелания блестящих успехов в возглавляемом Вами широком движении самоопределения доблестного Казачества... Глубоко Вас уважающий Султан Келеч Гирей». (Гром аплодисментов)... Говоря о генералах, нужно сейчас особенно помнить, что время теперь такое, что может быть им как раз предстоит в недалеком будущем весьма важная работа, для которой нужно будет много сил и здоровья.

Поэтому и предлагаю выпить здоровье генералов... (Бурные аплодисменты. Походный Атаман и оба генерала обмениваются рукопожатиями...).

— Ни одна идея, ни одна политическая или национальная программа говорит далее П. Атаман, не падает готовой с неба. Особенно это относится к программам и движениям национально-освободительным... Раньше, чем они бывают окончательно формулированы, происходит, обыкновенно, работа исторического пробуждения, создается национальная литература... Работают «будители», не всегда зная наперед, как будут использованы их труды будущими поколениями... Так и у нас. Наша вольноказачья программа — это уже программа-максимум казачьего национализма. Но нашей работе предшествовала работа других. Среди этих других есть человек, который присутствует сегодня среди нас, который не разделяет нашей программы, но который для пробуждения казачьего исторического самосознания сделал очень много. Это — проф. Сергей Григорьевич Сватиков (продолжительные аплодисменты). Я не знаю хорошо политического прошлого уважаемого Сергея Григорьевича, знаю его лишь как бывшего секретаря «Южно-Русской конференции» в 1919 году, но очень хорошо знаю, что между казачьими несамостийниками и самостийниками лежит его книга «Россия и Дон». И нравится это кому или не нравится, но книга не самостийника Сватикова не одного казака сделала самостийником... Не знаю, что еще напишет Сергей Григорьевич, но что он напишет, в этом я уверен. Разрешите же поднять бокал за его здоровье... (Бурные аплодисменты).

— Атаман Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы **С. Н. Федосеев** благодарит гостей и предлагает тост за их здоровье.

— Ген. **Омельянович-Павленко** отвечает: сердечно дякую за привітання. Їх значіння підсилюється спільністю наших ідеалів. Приношу, в свою чергу, привіт і поздоровлення з вашою славною річницею...

Пана Походного Отамана щиро вітаю з успішною працею...

Прошу ласково дозволити випить здоровля Ваше, п. Походний Отамане, здоровля Вашої дружини і в її особі — здоровля всіх тут присутніх дам. (Продолжительные аплодисменты).

Ген. **А. Удовиченко** произнес большую речь на украинском языке. Остановился он главным образом на военном сотрудничестве украинцев и казаков под командою ес. М. Ф. Фролова на украинском фронте в 1920 году, положившем начало дружбе казаков и украинских военных.

Под конец своей речи ген. Удовиченко выразил уверенность, что казачье национально-освободительное движение, возглавление которого находится ныне в твердых руках Походного Атамана ВК, добьется и достигнет поставленных им себе целей.

Конец речи — о необходимости казачье-украинской дружбы покрыт был долго не смолкавшими аплодисментами.

— Слово проф. **С. Г. Сватикова:** «Сердечное спасибо за любезное приглашение и за доброе слово привета. Я счел долгом принять Ваше, Игнатий Архипович, приглашение потому, что, не принимая участия в казачьей политике, я всегда откликаюсь на все казачьи собрания, где говорится о прошлом Казачества и пытаются заглянуть в его будущее. А «ВК», руководимое Вами, один из немногих органов, которые постоянно говорят о Казачестве, о его былых заслугах и болеют сердцем о его грядущем. Количество ценного материала по истории Казачества за эти 8 лет громадно, и уже это одно — Ваша большая заслуга перед Казачеством.

Вы отметили значение моих трудов по истории Казачества и нашу совместную работу на Южно-Русской конференции. Моя предыдущая работа, как будто, Вам мало знакома.

В промежутке между 1905 и 1917 г.г. я много работал по истории политического движения в России в эпоху империи и читал курс русской истории на некоторых курсах (политехнических и др.); в 1914 году мною был организован историко-филологический факультет Высших женских курсов в Томске и мои товарищи по профессуре избрали меня деканом, но война остановила нашу работу...

В 1917 году я был начальником главного управления по делам милиции, а затем много месяцев комиссаром Временного Правительства заграницей. Принятие в 1919 г. предложения со стороны правительств Дона, Кубани и Терека — стать секретарем конференции по созданию союза государственных образований юга России я не рассматривал, как некий чиновничий пост: я считал за честь принять активное участие в создании союза государств, создавшихся на юге России, на обломках империи царей. Я стоял за включение в этот союз не только казачьих республик, не только реальной силы — Добровольческой армии, но и республик Армении, Грузии, Азербейджана.

Облекая в юридические формы проекты соглашений совещаний Южно-Русской конференции с представителями главного командования вооруженными силами на юге России, я хотел содействовать нарождению Южно-Российской федерации.

В ту пору я усиленно собирал материалы, которые легли потом в основу моего труда по истории Дона. Я подошел к ней без всякой предвзятой мысли. И если оказалось, что казачьи республики Юго-Востока были в прошлом **государствами**, а потом автономными провинциями империи, то это было лишь обнаружением исторической правды. Я знаю, сам я умру, а слово мое, слово правды о казаках долго еще не умрет...

Я не прерывал своих изысканий о Казачестве и в изгнании, но расширил их изысканиями о судьбе народов Российской империи, которые с их согласия или по мимо их воли вошли в состав государства Российского. Я не только выражал сантиментальные симпатии народам, представителей которых я вижу сейчас собранными около Вас, — Великой Украины, многострадальной Армении, благородной Грузии, вольных горцев Азербейджана. Я хотел знать реальную историю тех, кто томился раньше в «тюрьме народов» и жаждал свободы. И получаемыми знаниями я вот уже 15-й год делюсь с университетской кафедры, пользуясь гостеприимством Парижского университета.

Но вы знаете все, я хочу это подчеркнуть, я — **не** сторонник сепаратизмов, а федералист! Я хочу возрождения народов восточной Европы и сев. Азии на почве добровольного соглашения, а не насаждения автономизмов с перспективой распадения и распыления. Позволю себе считать идеал свой выше и шире, чем цели об'единения одних лишь казаков, или одних лишь народов Кавказа, или союза казаков с Украиной и Кавказом.

Никогда мне не будет по пути с врагами русского народа, но я отлично понимаю и уважаю национальности и бытовые группы, которые стремятся внутренне и внешне самоопределиться и основать союз на основе свободы, взаимного уважения и соглашения. ВК могло бы весьма содействовать делу грядущего единства народов, открывши свои страницы и вопросам национальностей в СССР, особливо европейской России...

Из общения с Игнатием Архиповичем в эпоху Южно-Русской конференции я вынес отличное впечатление. Я ценю людей, которые всегда остаются равными самим себе. Каковы бы ни были мои политические расхождения с ним, я думаю, что его казачий патриотизм и его постоянная мысль о благе Казачества заслуживают и внимания, и уважения, а журнал его — привета.

Я пью за грядущий союз русского народа со свободными народами Востока Европы и Севера Азии на основе взаимного уважения и доброго соглашения. (Аплодисменты).

— Походный Атаман читает дальше письмо главы Туркестанского национально-освободительного движения г. Мустафы **Чокаева** следующего содержания:

Глубокоуважаемый Игнат Архипович! Крайне сожалею, что не могу быть на Вашем сегодняшнем собрании. Но отсутствуя физически, я бы хотел мысленно и политически, если позволено так выразиться, быть в Вашей среде, за Вашим столом, вместе с казаками-

самостийниками и их, само собою разумеется — и моими, друзьями.

Прошу, Игнат Архипович, передать всем казакам-самостийникам мой сердечный привет и наилучшие пожелания... Наилучшие пожелания! Что я могу желать Вам лучшего, чем желать скорейшего возвращения на освобожденную и приобревшую независимость родину.

Нечего скрывать, что у всех нас чувство родины, **своей родины,** проснулось немного поздно. Слишком долгое время и слишком тяжко нас давили. И нужны были величайшие усилия, чтобы так поздно проснувшееся чувство это превратилось в творческое сознание.

Мы верим, что «Вольное Казачество», как творческая национально-освободительная идея, пустило глубокие корни и даст отличные плоды. Вкушать плоды эти будете не только Вы — казаки, но и мы — Ваши друзья, ибо это наша общая с Вами идея.
(Дружные аплодисменты).

7 декабря 1935.

Всем Вам сердечный привет. Ваш **Мустафа Чокаев.**

— Огласив это письмо, П. Атаман говорит:

Сегодня среди нас первый раз присутствует человек, который ведет внешнюю пропаганду освободительных стремлений народов «Прометееского фронта» — редактор журнала «Прометей», издающегося в Париже на французск. языке, г. Георгий Гвазава. Мы очень хорошо знаем значение в нашем деле хорошей внешней пропаганды, знаем, что нужны для этого уменье, энергия и много сил. А чтобы это было, пожелаем г. редактору «Прометея» всяческого успеха и выпьем за его здоровье. (Длительные аплодисменты).

Редактор, г. **Георгий Гвазава** ответил:

Г.Г! Всякий, кто интересуется вопросами мира и цивилизации, не может проходить мимо того движения, которое носит название «Вольного Казачества» и которое является одним из важнейших факторов той национальной и политической перестройки, которая совершается на Востоке Европы.

Выступление казаков на историческую арену не ново, оно имеет длинную историю и история эта показывает, как велик динамизм этого народа: казаки покорили Сибирь, казаки врывались в Персию, казаки вторгались даже в Западную Европу.

В результате их вековой борьбы получилась огромная империя, которую проф. Сватиков только что назвал тюрьмою народов. Курьез истории в том, что в этой тюрьме оказались сами казаки.

Великая война встряхнула мир. Туман рассеялся, прояснилось сознание и казаки увидели всю нелепость исторического процесса: При чем Москва? Почему служить опорой угнетения и произвола? Почему поддерживать тюрьму народов, где нет гарантии ни для жизни, ни для чести, ни для свободного труда? И казаки отвернулись от Москвы. Совершился великий перелом в сознании народа. Живым выражением этого перелома являетесь вы, носители и борцы за идеи Вольного Казачества.

Приветствую Вас! Украина, Казакия, Кавказ — веерообразно расположены вокруг Черн. моря, призванного играть в наши дни такую же роль, какую играло Средиземное море в греко-римскую эпоху. Оно — наш общий путь к западной цивилизации, к свету и прогрессу. Отсюда пойдут излучения творческого труда, международного товарообмена и обмена мыслей и чувств. Эти излучения еще более свяжут узами дружбы и братского сотрудничества наши народы. География и ход истории определяют нашу судьбу, требуют нашего сближения и создания единого фронта против общего врага. У нас одна цель: сбросить русское иго и вывести наши народы на путь свободного развития. Вот почему ваша победа будет нашей победой и ваше поражение — нашим поражением.

Пью за торжество ваших идей, ибо торжество это будет торжеством права и справедливости, торжеством цивилизации. (Последние слова оратора были покрыты дружными аплодисментами).

От имени Азербейджанского национально-освободительного движения поздравил в. казаков с праздником глава движения г. **Расул-Заде.** Поздравляя и желая казакам успеха в своем деле, оратор говорил о необходимости вести будущую борьбу общим фронтом против общего врага: только тогда добьемся успеха для всех и для каждого из нас в отдельности. (Продолжительные аплодисменты).

Представитель Армянского национально-освободительного движения д-р **А. И. Хатисов:**

Господин редактор, казаки и казачки! Я с удовольствием присуствую во второй раз на банкете «Вольного Казачества», — журнала, который в течении восьми лет защищает идею свободы и свободного развития казачьего духа. В наши трудные дни, когда эмигрантская жизнь ложится таким тяжелым бременем на всех, когда и физическое и моральное существование требует столько усилий и энергии — духовная пища, даваемая журналом и его идеалами, особенно дорога и необходима. Было бы трудно жить, если бы высшие идеалы правды и свободы не освещали наш тернистый путь. И потому непонятны те, кто сегодня находит возможным относиться враждебно к вашему труду. Для всех найдется место под солнцем. А взаимные отношения между людьми, народами и государствами теперь, благодаря Лиге Наций, ограничивающей права отдельных членов, благодаря новейшим открытиям в области сношений и сообщений — аэроплан, радио и телевизион, все более и более сближают разные человеческие организации между собой и уничтожают перегородки. А пока... пока надо готовиться к будущему. Надо хранить язык, душевный облик, идеалы в массах, чтобы не терять своего лица. За эту Вашу трудную, но необходимую работу, за Ваш журнал, за Ваше здоровье, господа и Ваше, г. редактор, я высоко подымаю свой бокал! (Дружные аплодисменты).

А. И. Чхенкели, представитель Грузинского национально-освободительного движения:

Друзья казаки! Все уже сказано, но я все таки скажу одно. В июне, когда мы участвовали на вашем банкете здесь же, ваш В. Казачий Круг в Париже еще не кончил своей работы и на следующий день, если не ошибаюсь, он избрал своим Походным Атаманом редактора того журнала, восьмилетие которого мы сегодня празднуем. Можно ли придумать лучшую оценку и журнала и его редактора, лучшую награду за понесенные труды и за верность делу? Нет, я думаю. Вначале было слово, а потом дело, точно также вначале «Вольное Казачество» с его неустанной пропагандой национальной идеи среди казачьей эмиграции, а затем организация, Круг и выборы. Все это знаменательно еще и в том отношении, что казаки, по рождению воины, так высоко ценят работника пера и выбирают его своим Атаманом.

В Париже были этим летом выборы и другого атамана. Я не знаю его, не присутствовал на торжестве, но то, что знаю об этом из газет, дает мне основание думать, что его, другого атамана, слишком даже ярко характеризовали те из русских, которые так горячо приветствовали его избрание и являются в то же время нашими политическими противниками, борясь со свободой и независимостью и казаков и всех других угнетенных народов Советского Союза.

Не вдаваясь в подробности, не углубляя вопроса, да и вмешиваться во внутренние дела других, тем более дружественных, народов не в грузинских традициях, одно заключение все же могу сделать, а именно: есть большая разница между этими двумя категориями Казачества и их Атаманов.

До войны мне приходилось бывать в Екатеринодаре, Владикавказе и Ростове на Дону. В последнем, родном городе присутствующего здесь проф. Сватикова, я жил почти год в качестве высланного из Грузии, и был раза два в Новочеркасске. Там, в этих центрах Казачества, я наблюдал ту же разницу между сановниками и бюрократами, с одной стороны, и простыми казаками из станиц, с другой. Первые и в эмиграции защищают идею «целокупной России», а вторые выступают в защиту казачьей свободы и независимости.

Мы сочувствуем, разумеется, вторым, т. е. вам,

храбрые казаки! Вы же наши союзники, братья по оружию. Но позвольте на эту тему прочесть Вам поздравительное письмо нашего председателя Н. Н. Жордания на имя Вашего Атамана и редактора «Вольного Казачества»:

«Прошу принять мою искреннюю благодарность за приглашение на обед, устраиваемый в честь Вашего журнала. К сожалению, по нездоровью, не могу присутствовать и потому шлю Вам письменно мой привет и мое пожелание полного успеха начатого Вами дела. Ваше дело — наше дело, дело всех угнетенных народов Советского Союза. Сплочение всех недовольных народов, страдающих под игом Советов, единственный путь, ведущий к их освобождению и устройству их жизни на основе свободы и равенства. Народ народу не враг; народ освободившийся от своих врагов, от кучки тиранов, легко найдет общий язык с соседними, тоже освободившимися народами и они общими усилиями устроят свою жизнь на фундаменте свободы народа и нации, народовластия внутри и взаимного уважения и добрососедского отношения во вне.

Борющиеся под этим высоким знаменем являются строителями будущего и я пожелаю Вам и вместе с Вами всему Вольному мужественному Казачеству оставаться в рядах этих строителей до конца, до торжества наших идеалов.

Жму руку крепко **Н. Н. Жордания»**

кончает А. И. Чхенкели, к Вам, г. Атаман и редактор, я иду, в честь «Вольного Казачества», нашим традиционным возгласом: Алаверды! (Шумные, продолжительные аплодисменты).

Сотник **Болобан** (укр.):

— Високоповажані Пані і Високоповажані Панове! Дозвольте мені в імені Товариства Запорожців привітати сьогодняшній 8-ми річний юбілей журналу «Вільне Козацтво» и сердечно поздоровити з урочистим днем Редакцію журналу на чолі з Високоповажаним Походним Отаманом Вільних Козаків п. інж. Гнатом Архиповичом Білим.

Цей день Вашого ювілейного свята являється і для нас, Українців, радуючим і підбадьоруючим чинником, бо ми і серцем і розумом відчуваємо святість та правдивість тих ідей, тих думок, які Ваш журнал провадить на протязі вже 8-ми років.

Серцем — тому, що ми, яко нащадки славетніх Запорожських козаків, вважаємо вас, Вільних Козаків, своїми братами і по крові, і по духові, а також і по спільній давній і сучасній історії нашій.

Розумом — бо і ви, Вільні Козаки, і ми, Українці, — я в цім переконаний, — ще будемо битись бік-о-бік тісними лавами з нашим спільним ворогом — Москвою.

Минула визвольна боротьба показала нам наші помилки і навчила нас, що тільки сама найтісніща співпраця всіх поневолених зараз Москвою народів — і в першу чергу — казачих націй приведе нас до остаточної перемоги.

Ваш Походний Отаман і Редактор журналу в вашім журналі і вже підготовчу працю до майбутньої — я надіюсь — останньої збройної визвольної боротьби, поширює спільні нам ідеї, борється за право на свободу і щастя своїх народів, об'єднує вас, Вільних Козаків, і вказує тим вашим братам, які сьогодня ще не з вами, той єдиний правдивий шлях, якім ви всі мусите йтти, щоб до самостійної не від кого незалежної Козацької Держави. (Шумные, продолжительные аплодисменты).

Сотник **Яцименко** (укр.):

— Пане Отамане! Панове!

Своє слово розпочинаю мовою українською, якою я володію найкраще, але надалі промовлятиму так, аби бути зрозумілим і тими, хто мою мову не зовсім посідають.

Прежде всего считаю необходимым заявить, что выступаю я как рядовой украинец-боец, который всегда с неослабевающим вниманием и глубокой симпатией следил за ростом Вольно-казачьей идеи. Смею вас уверить, что эту глубокую симпатию разделяет и масса украинских военных. Да и может ли быть иначе? Мы и вы боролись за свое национальное освобождение! Ни одна из сторон не посягает ни на земли, ни на добро другой стороны. Перед нами общий враг — Москва. Вполне логично, что мы должны найти общий язык. Нас, украинцев, с вами, казаками, вяжет многое. И вы и мы в стародавние времена осели на пути народов, которые в своем походе из Азии в Европу перекатывались через наши головы, но нашей территории у нас отнять не могли. В постоянных боях и опасностях и у нас и у вас выработался особый тип рыцаря-хлебороба, что шашкою защищал, а плугом закреплял свои земли. И имя ему было общее — казак. А общность истории? Вспомните походы Всевеликого Войска Донского вместе с Сечью Запорожской. Вспомните, что после восстания казачьего патриота Булавина, в Бахмутском городке погибли и запорожские казаки. Вспомним тесные и постоянные сношения казаков с Украиной. Нет, многое, очень многое вяжет нас с вами.

Были, конечно, и ошибки. И опять — как с нашей, так и с вашей стороны. Но мы должны помнить одно: всегда из наших ошибок извлекал пользу третий. А проигрывали и платили за ошибки и вы и мы.

Повторяю, что Вольно-казачье движение нас всегда не только интересовало, не только вызывало глубокую симпатию, больше того, в нем мы всегда видели часть нашей общей работы. Когда 8 лет тому назад молния прорезала тьму эмигрантской ночи первым номером «ВК», то мы горячо приветствовали его, как и нашу победу. И сегодня, после 8 лет, благодаря неусыпной, напряженной, благородно-патриотической деятельности вашего Походного Атамана И. А. Билого, вы, казачьи патриоты, проделавшие колоссальную работу, празднуете 8 годовщину. Это ваше достижение является и нашим достижением. Оно и нас приближает к нашей цели.

Я только что говорил про общность между нами и вами. Говоря, что если часть казаков является нашими братьями по крови, то все казаки есть наши братья по культуре. Но предположим, что ни уз крови, ни уз культуры не было бы. Предположим только, что у нас — общий враг, враг нашего национального освобождения. И одного этого вполне достаточно, чтобы привести нас к общему фронту. Бросим только взгляд на карту наших краев и нам сразу будет видно, что присутствие Москвы на Казачьих Землях увеличивает наш украинский фронт почти в два раза, а для вас, казаков, станет ясным, что через Украину ведет путь Москвы и на Казачьи Земли.

Сговор между вами и нами — логичен, природен и совершенно необходим обоим. Даже если бы мы не любили один другого. Но, к счастью, дело обстоит лучше. Общность крови, культуры и истории вызывают у нас к вам чувства глубокой симпатии, а общность интересов повелительно ведет нас к сговору, к союзу. И общим фронтом, вместе с другими угнетенными народами, за вашу и нашу свободу мы пойдем в бой! Верим — последний бой! Бой, который даст нам победу! Бой, после которого на востоке Европы выростут две новых силы, два новых государства — Казакия и Украина, Украина и Казакия. (Бурные аплодисменты покрывают последние слова оратора).

Слово станичника Т. А. Мелкова:

Мы сегодня собрались здесь для того, чтобы отпраздновать, или вернее посвятить этот вечер восьмой годовщине выхода в свет нашего доблестного бойца — журнала «ВК».

Нужно говорить откровенно, что многие из нас, казаков, встретили его в свое время если и не враждебно, то во всяком случае с неверием. Да и в настоящее время много колеблющихся, но это не важно, а важно то, что журнал «ВК» проделал огромный путь в эмигрантских условиях.

Сколько мы видели уже заграницей казачьих журналов со всемозможными оттенками и направлениями! — Но ни один из них не дал ясной казачьей программы: не могли они этого сделать, а потому так рано и сошли со сцены.

Журнал «ВК» выбрал для себя именно казачий

путь, по которому он твердо идет и прославляет казачью старину и заслуги всего Казачества перед своим родным Краем. Но этого мало. «ВК» до мельчайших подробностей выковывает программу будущего государства Казакии. Это будущее казачье государство есть и должно быть целью нашей жизни, целью нашей борьбы.

Как известно, Казачество потеряло власть и управление своим краем в 1721 г., но это не значит, что оно потеряло их навсегда. Ведь мы являемся преемниками и прямыми наследниками своих предков, которые тоже боролись и клали свои головы за честь и славу и за будущность всего Казачества. Теперь на нас возлагается обязанность защищать и освобождать родную страну от непрошенных оккупантов.

Походному Атаману ВК честь и слава! Да здравствует Вольное Казачество! Да здравствует наша родина Казакия! (Продолжительные аплодисменты).

В заключение станичник Медков читает несколько своих стихотворений.

М. М. Колесов: Я хочу обратить внимание как казаков националистов, так и наших соседей, в лице присутствующих здесь гостей, на следующее: добиваясь каждый своей самостоятельности, мы должны об'единиться в борьбе против теперешних оккупантов наших Земель. Но об'единение наше должно покоиться на взаимном соблюдении и уважении интересов каждого из нас, т. е. ни мы, казаки, ни вы, наши соседи, взаимно не должны посягать на территории друг друга.

Без таких притязаний можно заключить не только тесный, но и братский союз и за такой братский союз я и предлагаю свой тост (Дружные аплодисменты).

— **Е. М. Якименко:** Появление журнала «ВК» было встречено в штыки. Свои же казаки подняли первую бурю. Украинцы — рідні мені по крові і язику, кавказцы — мои кунаки и соседи, встретили нас с недоверием и осторожно относились к нам. Теперь все уже убедились, что ВК движение есть вполне серьезное и здоровое. Теперь уже никто не станет говорить того, что говорилось восемь лет тому назад. Теперь мы организованы. В каждой стране, где вначале были единицы, теперь там крупные группы, спаянные в кулаки. В этом году ВК организовалось в один общий кулак и распоряжаться этим кулаком вольные казаки поручили избранному Походному Атаману.

Несмотря на явный рост и явную силу ВК нас до сих пор продолжают допекать всевозможными «резонами»... Нам все говорят, что мы «не имеем права». Нет, бороться за свою родину мы имеем право всегда. Мы сильны и в ней, в силе, наше право

Же пре шаблю маєм право...

так говорил гетман Мазепа. Так и наше право — в сабле.

Не все, может быть, оценивают в достаточной мере работу, проделанную сегодняшним юбиляром — журн. «ВК». 188 номеров. 188 выстрелов, возвещающих о казачьей Воле. 188 ракет, освещающих дороги, ведущие на ВК шлях. Скоро не останется ни одного зрящего казака, который бы не увидел освещенной дороги. Для слепых же — никакой свет дороги не укажет. Эти слепцы только отпускают скрики по нашему адресу. Но ни окрики, ни запугивания нас не остановят и мы так же твердо и смело пойдем и дальше по дороге казачьей Воли до конца. А кончается эта дорога на казачьих вольных степях. (Шумные аплодисменты).

— **В. С. Семенчин:** Восемь лет тому назад вольных казаков было 10 человек. А ныне тысячи!

Доказательство на лицо — это выборы Донского Атамана графа Граббе. Голосавало всего 5200 человек, а в эмиграции донских казаков 18000. Спрашивается: где же остальные 13000? — Все они — в вольноказачьем лагере... Они ждут, когда пробьет боевой час за освобождение Казачества и матери Казакии.

Мы, вольные казаки, верим в свою идею и свою казачью звезду. Эта вольноказачья звезда взошла и ждет своего времени...

Мы, казаки националисты, ждем, когда пробьет боевой час, чтобы выступить под ВК знаменем для спасения своего казачьего народа от московского ига, будь то красная или белая Москва.

Я не сомневаюсь и в том, что и остальные казаки, которые еще не находятся в наших рядах, так же станут под ВК знамя и все мы будем скоро дети одной матери Казакии.

Я к тебе обращаюсь, Походный Атаман! Мы выбрали тебя, мы доверили тебе свою судьбу, так доведи же нас до родных Краев. Мы все за тебя и ждем твоего призыва!

Да здравствует Походный Атаман ВК! Да здравствует Казакия! Да здравствуют все угнетенные народы! (Бурные аплодисменты).

— Походный Атаман отвечает кратко: Если не будете отставать, то доведу. (Буря аплодисментов).

— Полк. **И. Карбовский** читает несколько своих стихотворений.

— В заключительном слове, не раз прерывавшемся аплодисментами, Походный Атаман говорил о настроениях и переживаниях казаков там, на родных землях, по скольку о них можно говорить, пользуясь данными и свидетельствами самих оккупантов. Эти данные, и эти свидетельства говорят за то, что там Казачество до сих пор не склонило своей головы перед завсевателями. Мы, казачья патриотическая эмиграция и наши братья там, подчеркивает П. Атаман, мы не расходимся ни в своих настроениях, ни в своих стремлениях. Мы стоим на правильном казачьем пути и пойдем по нему к конечному торжеству нашей программы...

Казаки встают и поют гимны.

Официальная часть праздника закончена в 12 ч. ночи, но казаки и не думают расходиться. Начинаются танцы и песни... Расходиться начали в 2 часа ночи...

P. S. **Ответ ген. А. Удовиченко:**

Глубокоуважаемый господин генерал!

Вы в своей речи характеризуя есаула Фролова, рассказали о том, как храбро и доблестно боролся он с красной нечистью, оккупировавшей в настоящее время и нашу казачью родину Казакию и вашу родину Украину. Да, в те времена все мы дрались за свою родину отчаянно. Вряд ли когда либо в прошлом Казачество достигало такого напряжения, как в последней борьбе. Но борьбы все таки мы не выиграли. Не выиграли потому, что действовали разрозненно, а мы, казаки, не имели среди своих предводителей настоящих патриотов, любящих только свою казачью Родину.

Ведь как мало было нужно для того, чтобы и вы и мы выиграли борьбу! Нужно было только подать друг другу руки и действовать сообща за одно. Сейчас, очутившись за границей, мы все одинаково страдаем, болеем душой о наших краях, о наших близких, оставшихся там. А оставшимся там еще тяжелее. Мы знаем, что они там рассеяны по необ'ятным просторам советского союза. Ими наполнены тюрьмы и места ссылок. Часто напрашивается вопрос: да остался ли кто там из казаков? Сохранился ли там казачий дух? — Да, есть еще много там казаков, их еще миллисны. Казачий дух там не угас и они ждут нашего возвращения.

Пане генерале! Как нам, простым казакам, было приятно видеть Вас у себя. Мы особенно были восхищены Вашим горячим приветствием и пожеланиями. Мы казаки, поняли, что говорит это близкий нам человек. Да, вы, украинцы, братья нам по крови, по духу и по свободе казачьей. Так будем же братьями и впредь и поддержим друг друга морально, материально и физически.

Мы, вольные казаки, имеем во главе Походного Атамана, которому мы вверили свою судьбу, мы ему безгранично верим и преданы ему. Верим, что еще немного и настанет то радостное время, когда он позовет нас освобождать нашу великую страну, которую мы любим и боготворим. Имя этой страны — Казакия.

Мы — Казаки Казакии, вы Казаки Запорожья. Заключим же вечный союз на благо и величие наших народов.

Да здравствует незалежна Украина! Да здравствуют свободные народы Кавказа! Да здравствует Казакия!

ВВД в. казак **Т. А. Медков.**

Праздник В К в Ганновере

Ганновер является центром сосредоточения вольных казаков в Германии благодаря тому, что в этом районе очень много казаков работает или на земле, или на сахарных заводах.

Историческая дата 10 декабря в текущем году пала на рабочий день и потому в. казаки в Германии отпраздновали этот день в воскресенье 8 декабря.

На призыв атамана станицы в Ганновере дружно отозвались казаки. Уже с субботы в Ганновер начали прибывать казаки из более отдаленныхъ мест; были проделавшие до ста километров на велосипедах, что, приняв во внимание довольно ощутительный холод, можно назвать героизмом.

Прибыли казаки из Цербста, где недавно организовался В. К. Разиновский хутор, из Ольденбурга, Руте, Ильцена, Винзена, Андерапль. В течение субботы правлением станицы получено до двадцати писем с приветствиями от тех казаков, которые по тем или иным причинам не смогли лично явиться на свой казачий праздник. Из Берлина приехал представитель журнала Г. А. Козловский.

Среди казаков есть такие, которые в течение многих лет были совершенно оторваны от своей среды и только в день своего национального праздника очутились в своей родной, казачьей, обстановке.

Начало торжества назначено на 3 часа, но задолго до этого часа уютное помещение ресторана Штрелле переполнено казаками. Происходит знакомство, неожиданные встречи станичников после длинных лет разлуки, рассказы о пережитом. Времени до начала много и атаман станицы предложил использовать его для частной беседы. В этой бедесе казаки, особенно попавшие впервые, знакомятся с историей возрождения идеи В. К., с успехами ее среди Казачества, с общим политическим настроением текущего дня, о ближайших заданиях В. К. и о необходимости самого тесного сплочения всех казаков в единую, крепкую лаву. Беседу ведут поочередно П. Т. Лосев и Г. А. Козловский. Казаки задают вопросы по интересующим их моментам и сейчас же получают исчерпывающие ответы.

Тем временем начинают подходить гости — украинцы и немцы. Необходимо подчеркнуть, что станица Ермакова в Ганновере пользуется в своем городе большой популярностью и уважением местного населения.

До официального открытия торжества был сделан фотографический снимок казаков - участников сбора.

Ровно в 3 часа станичный атаман **П. Т. Лосев** открывает сбор:

— Станичники и наши дорогие гости. Душевное вам спасибо, что вы откликнулись на наше приглашение и прибыли на настоящий казачий праздник. Но мне хотелось бы пояснить вам, что сегодня мы собрались здесь не только для того, чтобы за стаканом пива провести приятно время. Нет, сегодняшний день для нас, казаков, имеет особое, более серьезное значение. Сегодняшний день, это самый торжественный казачий праздник. Мы должны будем в свое время узаконить его и после возвращения на Родину. 10-го декабря 1927 года, ровно 8 лет назад, благодаря энергии нашего нынешнего Походного Атамана, инженера И. А. Билого, нашего природного казака, в Праге вышел первый номер настоящего казачьего журнала «Вольное Казачество». Устами редактора этого журнала на его страницах заговорила наша казачья правда. Благодаря ему, мы, простые казаки, начали просыпаться и понимать, что есть еще у нас порох в пороховницах, что наша слава и наша правда, несмотря на все тяжести пережитого и переживаемого, не умерли и не погибли. Встрепенулось сердце, заиграла в наших жилах казачья кровь, душа начала рваться на широкий простор, многие из нас дали сами себе торжественную клятву поддержать свое родное и все свои силы отдать на пользу казачьего дела. И вот, в течение долгих и тяжелых восьми лет наш журнал ведет нашу казачью лаву к лучшему, светлому и будущему. Он, не уклоняясь никуда в сторону, ведет нас прямо к раз намеченной цели, к возрождению нашего самостоятельного казачьего Государства-Казакии. Не легко ему приходится. Помимо текущей работы информационного и руководящего характера, нашему журналу, этому единственному правдивому казачьему изданию, приходится все время отстреливаться и от многочисленных врагов, которые стараются окружить его со всех сторон. К великому стыду и сожалению, и среди казаков есть свои внутренние враги, которые, забыв свое родное, радуют наших недругов. Одно только хорошо: таких немного. Но, несмотря на все удары, сыплющиеся на голову В. К., наша лава, благодаря твердости и энергии инженера Билого и его журнала, все крепнет, а каждый новый выпад по нашему адресу не расстраивает наших рядов, а наоборот, только усиливает их. И вот вам результаты восьмилетней работы. Вы вот видите сегодня здесь наше родное, Общеказачье знамя. Оно очищено нами от грязи веков и под ним сегодня у нас происходит наше казачье собрание.

— Но, станичники, преклоняясь перед подвигами нашего Центра и с наслаждением читая очередные номера нашего журнала, мы не можем этим ограничиваться. Мы все, считающие себя казачьими патриотами, обязаны поддерживать всеми силами и возможностями и наш журнал, и наше возглавление, в лице нашего первого В. К. Походного Атамана И. А. Билого. В этой великой его работе на пользу всего Казачества должны принять участие все казаки, которые понимают, что лучше и честнее иметь свое, чем побираться по чужим углам. Мы должны все свои силы отдать на дело служения Казачеству, за возрождение Вольной, ни от кого независимой **Казакии.**

— Мы не имеем права ни на одну минуту забывать о том, что там, под властью красных извергов, живут и больше, чем мы здесь, мучатся наши братья, которые вправе требовать от нас дружной, согласованной работы. У каждого из нас кто-нибудь остался. Разве стоит еще раз напомнить самим себе о тех ужасах и издевательствах, которые они там уже пережили и еще переживают? Я предлагаю почтить память всех казачьих жертв, погибших от руки красных палачей, минутой молчания.

— Станичники! Мы многие годы спали. Царское правительство в свое время к нашему имени — Вольные Казаки — прибавило только две буквы и мы стали невольными казаками. Но эти времена прошли и нужно надеяться, уже больше не воскреснут. Сейчас Казачество проснулось и потребовало своих прав и своей собственности. Правда, есть еще среди нас такие, которым трудно проснуться от привычного сна. Но не нужно бить паники. Пройдет еще немного времени и они поймут свое заблуждение и станут хотя в пятую шеренгу Вольно-Казачьих рядов. Нам нужно работать и работать. Многое уже сделано, но еще больше предстоит впереди. И в первую очередь мы должны всеми мерами поддерживать того казака, который первым поднял нас, который без страха смело вот уже в течение восьми лет ведет нас к нашей заветной цели. Пусть Господь Бог пошлет больше сил и здоровья нашему Походному Атаману. Слава ему, слава его ближайшим помощникам. Слава всему рассыпанному по всему свету Вольному Казачеству!..

Г. А. Козловский: — Дорогие станичники, необходимо, чтобы вы усвоили себе понятие о великом значении для нас, казаков, сегодняшнего дня. Сегодняшний день знаменует собою возрождение нашей Государственности. И как бы ни старались многочисленные наши враги помешать нам и свести всю нашу многолетнюю работу на нет, это им уже не удастся. Мы свое дело уже сделали. Проснулось и нашло себя Казачество, сейчас нашим врагам приходится считаться не с отдельными лицами, а с сплошной массой казачьего народа. Тяжело достанется нам эта победа. Быть может, при других обстоятельствах, при иных

условиях и в иной обстановке возможно было бы сделать и больше, но именно учитывая все трудности и зачастую ненормальности которыми мы в своей работе окружены, мы уже достигли очень многого. Прежде всего, весь культурный мир смотрит теперь на нас не как на русское военное сословие, а как на особый народ среди тех, которые отстаивают свою независимость. Мы включены в ряды честных борцов с красным интернационалом, нас уже не считают фантазерами. И правильно говорится, не бывать бы счастья, да несчастье помогло. Как бы нам под час круто не приходилось на чужбине, но для того, чтобы Казачество проснулось и нашло себя, потребовалось именно попасть в эмиграцию.

— И восемь лет упорного труда не пропали даром. Если в первые времена работы И. А. Билого приходилось слышать насмешки, порою и издевательства, то сейчас, благодаря его энергии и преданности казачьему делу, таких фактов становится все меньше. Это не значит, что мы уже победили всех наших врагов... К сожалению, есть среди казаков и такие, которые, сидя столько лет среди культурных народов Европы, ничему не научились и стремятся сеять в наших рядах смуту. Это в большинстве неразвитые, не разбирающиеся в обстановке текущего дня недоросли и их то, даже помимо их воли и желанья, с большим успехом пользуют враги Казачества.

— Станичники! Сегодня вы здесь слышали слова нашего атамана, как прибавлением только двух букв, царская Москва изменила наше лицо. Атаман заявил, что мы уже отбросили эти две буквы и опять стали тем, чем были и чем быть нам надлежит . Я иду еще дальше. Я утверждаю, что наступит то время, когда мы отбросим и слово вольные, ибо не будет никаких иных казаков. Казак, если он искренне относится к самому себе и, конечно, к своей родине, не может быть невольным. Если у некоторых еще сейчас в глазах туман, то, поверьте, он скоро рассеется, на то он казак, чтобы хотя и с опозданием, но все таки быть не с чужаками, а только со своими. Наше достоинство именно заключается в том, что мы всегда и всюду говорим только правду. Скажу больше: и вы, станичники, в своей работе на пользу нашей идеи остерегайтесь прибегать к помощи неправды. Она не только не поможет нам, а наоборот, может принести вред. Наше дело такое чистое, такое ясное, что правдой мы скорее достигнем своей цели.

В последний, восьмой год, нашей работы, нам удалось завершить организацию внутри себя. Нами избран наш первый Походный Атаман, которому вручена нами вся полнота власти. И насколько серьезно мы, рядовые вольные казаки, отнеслись к вопросу о нашем возглавлении, свидетельствует тот факт, что нами избран не случайный крикун, или приставший к нам, после того, как уже побывал в гостях во многих, даже вражеских казакам местах, а человек, который первый поднял Вольноказачье знамя и с самого начала, в продолжении всех восьми лет, вел Казачество по честному пути...

Но в день избрания И. А. Билого на столь серьезный и ответственный пост у него спросили: будет ли он работать? он ответил: работать буду, работы не боюсь, но и от вас буду требовать и работы, и поддержки. И он был в тот момент честен и прав. Сейчас настал момент, когда мы сами принялись наладить свою жизнь, сами все должны сделать и потому мы должны помнить, что как сделаем, так оно и будет, при неудачах же виноваты будем мы сами...

— Здесь, в чужих краях, мы много времени отдаем своим личным делам. В погоне за куском хлеба многое проходит мимо нашего внимания, многое из пережитого нами как-то сгладилось в нашей памяти. И упрекать нас в этом не приходится Но приступая к серьезной национальной работе, мы должны в первую очередь взглянуть в прошлое, вспомнить чистосердечно все наши ошибки и стараться впредь их не совершать. Мы должны и работаем в тесном контакте с нашими и ближайшими соседями — Украинцами, Грузинами и с более дальними борцами за свою независимость, — Туркестанцами и всеми теми порабощенными народами, которые непосредственно из под гнета и режима всероссийского царизма попали в лапы красных палачей. Нам, в стремлениях к своим целям и идеалам, со всеми ими по пути, против нашего общего врага-поработителя...

— Возьмите пример: если вы к своей телеге приделаете даже стальные колеса, то и они износятся, а что же говорить о том, как изнашивается человек. И наш Походный Атаман только человек и тем паче мы обязаны всеми мерами поддерживать его. Ведь он же сам поднял наше дело и до сих пор ведет его. Ведь не мы, а он принял на себя всю тяжесть ударов от наших противников и до сих пор продолжает принимать их...

— В чем же на деле может выразиться эта поддержка со стороны казаков, рассыпанных по всему свету? Дело вот в чем. С избранием нашего В. К. возглавления, наша самоорганизация фактически закончена. Нам теперь необходимо, скажу, подорганизоваться на местах. Мы должны во всех местах, где живут и работают казаки, создавать наши организации. Мы должны бросать в массу слово правды и борьбы за свою Родину, за свои идеалы. Помните, мы сейчас переживаем такое время, когда ничего нельзя предугадать, что может случиться завтра. А для того, чтобы мы еще раз не были застинуты врасплох, нам необходимо приступить к самой серьезной организационной работе на местах. Помните, станичники, если нам говорят, что война давно уже кончилась, если уже умолкли раскаты пушек и броепоездов, то для нас, вольных казаков, война не закончена, она все время продолжается, правда, без сабель и картечи, но для нас она тем тяжелее, что в войнах держав противники имеют свои плацдармы, где имеют возможность развернуть свои кадры, мы же, рассыпаные по всему свету, не только не имеем такого открытого плацдарма, но и в разных местах разно должны работать, дабы, стремясь к единой цели, не нарушить условностей окружающей нас обстановки. Первое и самое необходимое для нас условие, это сознание того, что в настоящее время мы работаем не для блага других, а для блага нашей Родины. И если на костях Донцов в Лейпциге выстроен храм Божий, если казачьи кости покоятся и под Берлином, и под Парижем, и на вершинах Сен-Готарда, и вообще во всех странах, ведших когда-либо войну, то пусть же нам не будет совестно и страшно отдать свои силы и даже свою жизнь уже за свое национальное дело.

— Вотъ, станичники, в чем должна выразиться наша работа на местах. Наше понимание, за что мы боремся, наше гуртованье, наши беседы среди не проснувшихся еще казаков, с одной стороны, не застанут нас неподготовленными перед какими бы то нибыло событиями, с другой стороны, явятся мощной поддержкой для нашего руководящего Центра. Ведь за нами, борцами за свое родное, идут новые кадры молодого казачьего поколения, воспитанного, хотя и вдали от Казакии, но в духе наших традиций. О них то нужно помнить и своей спайкой, своей работой дать добрый пример. Одним словом, надо проделать ту работу, которую с нами проделали наши отцы.

Дальше оглашаются письменные приветствия от украинцев и казаков.

П. Чипликов подчеркивает ту огромную роль в деле организации кадров В. К. в Германии, которую сыграла Ганновер. Станица Ермакова, из четырех человек выросла во много раз. Уже явилась необходимость в создании подсобных ячеек; недавно организовался хутор имени Степана Разина в Цербсте, в ближайшее время возникнет еще три новых организации. Здоровые духом и не забывшие своей родной старины, казаки сразу почуяли, благодаря своему журналу, свою настоящую правду и массами потянулись в свои организации, об'единяющиеся вокруг Парижского центра. Оратор подчеркивает беззаветную работу станичного атамана П. Т. Лосева, сумевшего в сравнительно короткий срок поднять большую казачью лаву. Станица Ермакова является сейчас цент-



Ганноверская ВК станица Ермакова в день ВК праздника

ром честной, здоровой казачей жизни. Такой она будет и впредь..

Людека на прекрасном немецком языке дает общую сводку немцам-гостям, присутствующим на торжестве. С большим вниманием слушают его гости. От времени до времени раздаются возгласы искреннего сочувствия и одобрения. Дальше онъ гоовритъ:

— Все, что было в наших силах для того, чтобы создать чистое, прочнсе В. К. ядро, было сделано. Результаты работы нашей четверки перед вами на лицо. Но мы здесь еще не все. Вот эта пачка приветственных писем, а далеко не все еще получены, является лучшим доказательством нашей кропотливой и под час тяжелой работы. Но ведь легко ничего не дается. Сейчас наша первая четверка вполне удовлетворена результатами своей работы и мы надеемся, уже с вашей помощью, сделать значительно больше. Я не могу не подчеркнуть той огромной работы, которая проделана нашим станичным атаманом. Благодаря его такту и умению создать благоприятную для работы обстановку, мы достигли таких прекрасных результатов. Отдавая по справедливости должное П. Т. Лосеву, мы, станичники, постановили: освободить нашего атамана от всяческих материальных трат с его стороны и в память нашей совместной работы поднести ему свою скромную памятку.

В это время член правления станицы Лозин выносит перевитую национальными лентами позолоченную чашу с надписью:

«В. К. Станица Ермакова своему атаману Петру Тимофеевичу Лосеву за его труды 10-12-35».

Все встают, раздаются громкие рукоплескания и возгласы «Слава».

Сильно взволнованный, отвечает станичникам атаман, обещая продолжать и в дальнейшем работу на пользу Казачества...

Бендюк: Мы сегодня сошлись здесь для того, чтобы достойным образом отпраздновать годовщину нашего казачьего журнала. Он зовет нас на борьбу с нашими врагами и указывает нам пути, по которым нам следует идти к достижению наших целей и заданий... Красные вампиры впились в многострадальное тело нашей Родины и высасывают последние капли крови из Казачества. Но и батьки наши, и мы уже многое видели, много перестрадали. Нас не устрашить никакими ужасами. Тем мы и хороши, что не сдаемся без боя. Но теперь нам нужно понимать, что к нам приближается еще один, быть может, самый жестокий бой. И мы смело можем сказать, устами самих же наших поработителей, что это будет последний и решительный бой... В этом бою мы должны, обязаны победить. Слава тем, кто пробудил долго спящее казачье сознание! Слава всем честным борцам за свое освобождение! Слава нашим атаманам, слава Казакии!

В тсм же духе и с неменьшим под'емом высказываются станичники **Буянов и Лозин.**

Иванов (гость-украинец) приветствует собравшихся вольных казаков в день их национального праздника. Он подчеркивает те отличные добрососедские отношения, которые установились издавна между казаками и украинцами. Небольшая местная группа украинцев всегда пользуется любезностью В. К., и с большим интересом следит за казачьим журналом. История Казачества тесно связана с историей Украины, дело борьбы с общим врагом должно быть и впредь нашим сбщим делом. В тесном единении мы общими силами скорее справимся с своими общими задачами.

Криволобов передает приветствие своего станичника Мартынова, который разбил ноги на работе и сам не может присутствовать на торжестве. Он говорит:

— Я долгое время был оторван от своих казаков и после многих лет сегодня впервые попал в свою родную семью. Мы работаем в таком углу, что долгое время вокруг себя ничего не видели. Дальше нас есть еще казаки. Они знают, что я сегодня поехал к вам и с нетерпением ждут, чтобы я вернулся и рассказал им, что я видел и слышал. А я им скажу: я уже был, видел и слушал. Теперь и вам советую, чтобы вы сами проехали в Ганновер и сами познакомились с тем, что делают для нас наши же казаки.

Г. А. Козловский на украинском языке благодарит г. Иванова за его сердечное приветствие и выражает уверенность, что казачье - украинской дружбе не могут угрожать никакие опасности. Обращаясь к казакам, он говорит:

— Вот сегодня я многих из вас вижу впервые, со многими из вас я говорил не речами, а по-казачьему, по душам, и у меня получилось впечатление, что все вы здоровые, крепкие казаки. Мне было бы чрезвычайно обидно, если бы, наученный горьким опытом, я на сей раз ошибся. Думаю, что теперь не ошибусь и потому с величайшим наслаждением засвидетельствую перед нашим Походным Атаманом, что все в порядке, что и у казаков, проживающих в Ганновере, еще не иссякли запасы, что и у нас есть еще порох в пороховницах...

С мест слышатся возгласы:

— На этот счет можете быть спокойны. Мы еще сможем достойным образом схватиться с нашими врагами. Мы еще вспомним свою казачью славу и всегда поддержим тех, кто ведет нас по настоящему казачьему пути.

Официальная часть торжества исчерпана. Ст. **Буянов** предлагает пропеть казачьи гимны. Все встают и исполняют Донской и Кубанский гимны.

Гимнами и заканчивается официальная часть. Продолжением ее явилась дружеская беседа за бокалом пива. Льется рекою вольная казачья песня, сдвигаются столы и начинаются танцы. Модные танцы и классические вальсы сменяются казачком, гопаком и лезгинкой, а наша казачья песня все время продолжается. Чередуются тосты за Казакию, Походного Атамана, за все В. К., за дружбу и единодействие порабощенных народов — на погибель врагам и супостатам...

Тишевич (украинец) высказывает мысль, не слишком ли остро поставлен вопрос по отношению к русскому народу. Ведь, виноваты не народ, а его руководители. Не следовало ли бы подойти к этому народу и раз'яснить ему истину, если он сам этого не понимает.

Ему отвечают **Лосев** и **Козловский.** Они находят, что нам вмешиваться в дела чужих и еще давать им советы не приходится. Всяк кузнец своему счастью. Откуда мы можем знать, быть может, для Россиян хороша существующая власть. Но для нас она неприемлема и у себя мы ее терпеть не можем. У нас, в своей собственной семье, такая масса рабсты, мы должны отдавать всю свою силу для своего дела, а не разбрасывать своей энергии для тех, у кого нет желанья и, быть может, охоты вырваться из цепких когтей коммунистов...

Долго сидели казаки и их гости и мирно беседовали. Но наступил час шапочного разбора и, прощаясь с милыми хозяевами, почти как сговорившись, все говорили:

— До скорого свидания. Чем чаще будем собираться, тем всем будет лучше... **(Соб. кор.).**

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА.

Я до сих пор еще весь во власти того прекрасного впечатления, которое я вынес от этого праздника. Там, за общим столом сидя со станичниками, мне пришлось с одними только познакомиться, с иными разговаривать как уже со старыми знакомыми.

На празднике были казаки, которые в течение долгих лет были совершенно оторваны друг от друга. Они очутились на работах в таких углах, куда не заглянула ни однажды еще даже «недетимческая агентура», где мимо их прошел даже такой делец, как, например, Карташев, изрядно надувший казаков в Германии, обещая им золотые горы, вплоть до возвращения «через два месяца» домой.

Память об этом «герое» навсегда сохранилась среди казаков, живущих в Германии. Давно он здесь гастролировал, еще в первые годы эмиграции. Но до сих пор, при каждой встрече, казаки не преминут тяжелым словом помянуть этого «деятеля».

Вот разве только, что моменты, когда к слову вспоминалась эта ненавистная всем казакам фамилия, являлись темными пятнами на общем фоне прекрасного настроения на нашем празднике в Ганновере.

Начать хотя бы с самого путешествия казаков на праздник. Поспешали всяческими способами: по железной дороге, трамваями, пешком, а были такие, которые по нынешней погоде проделали и свыше 200 километров на велосипедах. Подчеркиваю: эти наши спортсмены только недавно стали в ряды В. К. семьи.

Не было опаздывания. У станичников точно вымеряно пространство, отделяющее их от центра, до секунды учтено время, потребное на проезд.

Спокойные, с серьезными лицами являются казаки к месту сбора. Они привыкли, они помнят свою традиционную дисциплину, понимают, что сюда они прибыли по своим казачьим делам.

И мне многое вспомнилось. В моей памяти воскресли Донской Круг, Кубанская Рада... Такие же делегаты с мест, явившиеся на призы старины, не по чужим делам. Явились вершать свои, казачьи дела.

Мелькают среди собравшихся красные лампасы, некоторые в гимнастерках. Конечно, большинство в европейских пиджаках. Но ведь не по одежде нам судить сейчас людей, а по их настроению. Так и чувствовалось, что все сердца, и под гимнастерками, и под европейским жилетом, одинаково бьются... По нашему, по казачьему.

Казаки беседуют между собою. Вспоминают старину, делятся болестями пережитого, у каждого остались свои там, здесь возникли семейства, и там и здесь растет молодое казачье поколение...

Говорят о будущем. Осторожно, с большой серьезностью стараются приподнять завесу, скрывающую от них неведомое «завтра». Гадают так и этак. А общий вывод один:

— «Нет, нам нечего ждать каких-то избавителей. Мы должны в первую очередь сами о себе подумать. Нужно гуртоваться, казак к казаку. Пора и нам самим показать свою силушку»...

Естественно, заходит речь о журнале и о самом В. К. движении.

— «Это наше, тут мы сами хозяева. Довольно мы уже потратили силы и крови на чужих»...

На импровизированной казачьей трибуне меняются лица. С глубочайшим вниманием слушает аудитория своих ораторов. В зале абсолютная тишина.

И по выражению лиц слушателей видно, что все они преисполнены одной мыслью: — «Всюду хорошо, а лучше всего дома. Нужно ударить в набат, кликнуть сполох во имя спасения Родины»... Надо немедленно же приступить к установлению связи со всеми казаками и мобилизовать их в ряды своего родного В. К... Вот что решают единодушно все казаки.

Чередуются чары.

— За нашу старину седую!..

— За нашего первого Походного Атамана!

— За всех вольных казаков!

— За победу и одоление врага-супостата!..

Мощной, широкой рекою льется наша родная песня. Без репетиций и камертона. Так лучше и красивее. Поют все так, как певали у себя по станицам. Вихрем понеслись станичные танцоры — Лозин и Людека. Оба в форме. Но мелькают уже в кругу и обыкновенные пиджаки. Сегодня наш день, а завтра опять в бой и за хлеб насущный, и за казачье дело...

Станичники - читатели. Эти несколько строк я пишу не с целью рекламы. Наше дело, наша борьба не нуждается ни в какой рекламе.

Я пишу это для тех наших казаков, которые в таком же, или подобном духе провели день своего праздника в своей казачьей семье, в разных иных местах и странах. Читая эти строки, пусть они знают, что и у нас, сидящих здесь, в Германии, не ослаб наш казачий дух, что и у нас имеются еще запасы пороху в пороховницах и что мы так же ждем момента, когда раздастся общая команда:

— По конямъ, садись!...

Г. Козловский

Грозовые тучи на международном горизонте вновь сгущаются. Проект мирного разрешения Итало-Абиссинского спора, выработанный французским и английским правительствами, не встретил сочувствия в Италии, отвергла его Абиссиния, отказалась от него Англия и не приняла его Лига Наций. Отношения между Англией и Италией ухудшились.

Положение в Европе тревожное. Радуются тому только в Москве.

Праздник В К в Праге

Ввиду того, что 10-е декабря приходится на будний день, вольные казаки в Чехословакии решили отметить 8-ую годовщину журнала «В. К.» в воскресенье, 8-го декабря.

Принимая во внимание наступающую годовщину со дня смерти ген. Т. М. Старикова и желание атаманов в. к. хуторов в провинции присутствовать на панихиде, был проведен следующий порядок дня:

В 12 часов была отслужена панихида на Ольшанском кладбище. Храм наполнился казачками и казаками, пришедшими помолиться за покойного ген. Старикова. Панихиду служил епископ Сергий. В числе присутствующих: атаман в. к. хутора в Новом Книне Г. И. Милькин и помощник его А. Сметанкин, атаман в. к. хутора в Колине С. Н. Колесников и помощник его Ф. Самохин и атаман в. к. куреня в Чешских Будеповицах Д. Кирсанов.

В 3 часа состоялось торжественное собраніе, посвященное восмилетию журнала «Вольное Казачество». На собрании председательствовал ст. К. К. Поляков. Открывая собраніе, председатель попросил атаманов хуторов занять места за столом президиума. Атаманы, занимая места, поздравляют председателя с праздником В. К. Председатель, отвечая на поздравления, приветствует их рукопожатием.

Начиная вступительную речь, ст. **К. К. Поляков** говорить о тех наших друзьях, которые ушли из жизни, не достигнув желаннсй цели — свободы Родины. Он вспоминает Юр. Гончарова, Б. Кундрюцкова, полк. М. Ф. Фролова, Ф. К. Воропинова и ген.-лейт. Т. М. Старикова, за которого сегодня молились казаки. Ст. Поляков предлагает почтить их память вставанием.

В дальнейшем председатель говорит о том, что «10-ое декабря 1927-го года есть одна из дат времени беспримерной борьбы казачьего народа за свою независимость. Но безусловно то, что этот период борьбы начался и продолжается в совершенно иных условиях, отличное от условий прошлого.

Перед казаками-нацисналистами наших дней стала и, пожалуй, стоит ответственная задача разбить тяжелое российское наследие — эту нерешительность, эту половинчатость некоторых казаков.

Если в течение двух с лишним веков Россия, стремясь расказачить наш народ, определяла его, как особую бытовую группу или как военное сословие, то в этот день ясно и четко было сказано: мы казаки-националисты; мы знаем «чьи мы дети». Мы, казачий народ, хотим жить и имеем право жить на своей земле так, как живут другие свободные народы.

Таким образом, вековая политика России сводится на нет. На знаменах Вольного Казачества определенные, ясные лозунги. В умах и сердцах казаков-нацисналистов определенные мысли чувства, а где определенность и последовательность — там успех».

Далее говорит станичник **М. Г. Голицын** (казак ст. Екатерининской):

— Уважаемые гости, молодцы атаманы! Мы встречаем сегодня новое 10-е декабря. Это памятный день 1927 года, когда Казачий Народ восстал из эмигрантской политической неразберихи и своей волей и отвагой выступил перед народами целого света, чтобы самому себе определять и решать будущую свою судьбу. Отмечаем этот большой день новой казачьей истории радостным переживанием, в котором есть благородная память о всех жертвах прошлой кровавой борьбы; в нем есть минуты торжественного отдыха, когда мы озираемся кругом себя, считаем все свои силы, в которых есть твердая и постоянная решимость не испортить и не уничтожить святые заветы наших дедов и отцов, но все наши силы и ценности размножить, увеличить, сохранить и принести на алтарь свободы Казачьего Народа. Вольное Казачество, полное отваги и решимости добиться своего освобождения, сегодня уже 8-й раз приветствует символ Казачьей Республики. Вольное Казачество, мыслящее прежде всего о своем казачьем будущем, вот уже 8 лет созидаемым И. А. Билым и его сотрудниками на фундаменте старых идеалов наших дедов и отцов, осторожно, но пристально всматривается в подымающуюся мировую бурю...

В. К., уже определившееся, стоит перед лицом будущего твердое и верующее, как сердце и голова того, кто над ним держит свою руку... В. К. в 1935 году всматривается в мировую неопределенность и еще раз убеждается в правоте своего дела. Твердо выдержало оно все кризисы, внутренние и внешние, беспорядки и бои, выкристаллизировалось о окрепшим вышло из них, ибо твердо стоит на своей государственной программе. Сегодня уже ясно, что мы были правы оставаясь вернымъ идеалам, формулированным Походным Атаманом В. К., идеалам чисто казачьим, несмотря на то, что не было недостатка в искушениях и льстецах, которые хотели испачкать и свести на нет всю вольноказачью программу. Выиграли мы эту большую битву, так как не сошли на блудную дорогу и остались верны своим славным дедамъ и отцамъ. Сегодня мы стоим перед новой активной работой против наших оккупантов, которые завели новое, усовершенствованное рабство, являющееся причиной всех бед света и уничтожающее Казачий народ. Мы отбросили от Казачества красно-белую идеологию северного соседа, которая уничтожала все его живые источники развития и культуры и которая старалась его представить в свете беглых рабов. Эгоизму северного соседа, его преклонению перед физической силой — мы, в. казаки, дали предпочтение требованиям права и всеобщей справедливости во всем.

Сегодня мы мыслим о совместной работе казаков со своими соседями, о службе идеям, правде, справедливости и вере... Сегодня уже мы можем идти со своими культурными соседями — Украиной и Кавказом, с югом и западом, помогая провоидть в жизнь государственную программу, как себе так и соседям. Отбросили мы насилие северного соседа. Было время, когда он слишком жестоко подавлял казачьи восстания и весь казачий народ хотел покорить и загнать под землю. Но, встало Вольное Казачество, как твердый мститель за свой народ!

Вольное Казачество — казачье гнездо в буре — это не дешовая идилистическая утеха и не милое успокоение, которое не хочет смотреть вперед. Усиленные справедливостью своей дороги, в. казаки, программно и морально ведут свое освободительное движение так, чтобы оно стало достоянием всех казаков. Нужна народная дисциплина и подчинение своей государственной мысли. Требуем положить конец внутренним и оппозиционным неурядицам и создать новый размах своих культурных сил на том же нашем поле брани.

Журнал «ВК» — это колыбель нашей новой культуры. Его страницами проходят уже 8 лет моменты нашей наибольшей славы, наших трагедий и наших испытаний. Поэтому, желаем еще выше поднять символ нашего воскресения и культурного освобождения — к еще большей славе. Здесь, в Праге, 8 лет тому назад, трудами теперешнего Походного Атамана ВК вышел первый номер «ВК» и был это основатель новой казачьей жизни. Поздравляем сегодня его, опытного редактора, который из массы необрабстанного материала брал и соединял в черты бессмертного искусства и оценил славный сильный звук старых казачьих боевых труб. Этот журнал укрепляет наше движение. Мы переживаем с ним наисладчайшие и наиславнейшие минуты нашего героического прошлого и тяжелого настоящего. Нет другого казачьего журнала, который бы так проник до тайных уголков казачьей души и понял ее страдания и ее искания. Наш журнал использовал все, как гений, для своего казачьего народа и его пробуждения и постепенно укрепляет нас, как горящий факел, бросающий свой свет в прошедшее и в неизвестное будущее...

Пробуждение каждого народа и его освобождение начинается с пробуждением его души и появлением

его литературных трудов. В прошлом наша литература развиваться не могла, не могла свободно выражать требования казачьей души. Произведения казачьих литераторов, печатавшиеся в газетах Новочеркасска и Екатеринодара, не сохранились. И только теперь наилучшие образцы казачьего утра записаны на память потомству в журнале «ВК».

В освобождении каждого народа, в его политическом авангарде, идут прежде всего литературные писатели. Политики, историки и славные полководцы идут уже за ними. Заинтересовывает и Казачий Народ своих и иностранцев своими литературными произведениями. Если иностранцу нравятся они, то он знакомится и с его историей и политическо-экономической жизнью. Иностранец, полюбивший казачью литературу, будет нашим верным другом и помощником. Поэтому и в журнале «ВК» казакам писателям отведено первое место, их трудам отведены всегда первые страницы. То, что для польского народа означают Словацкий, Мицкевич. Сенкевич и др., что для Чехословацкого народа означают — Палацкий, Коменский, Карл Гавличек и др. то для казачьего народа означают славные имена — Бориса Кундрюцкого, Павла Полякова, И. К. Скубани, Сергея Савицкого, Ивана Назарова и др. И мы счастливы, что из их рядов происхоит и наш сегодняшний председатель собрания...

Казачьи писатели — это цимес казачьего народа. Судьба наших сегодняшних литераторов особенно крутая и немилосердная. Представим ли, в каких условиях они пишут, сколько беды и материальных недостатков они переносят, мы должны только преклоняться перед мощностью их неутомимого духа и их непреклонной твердой энергией. Их зов к красивому нераздельно соединяется с борьбой за свою Казачью Землю...

Будем же верны своей Казачьей Земле! — так говорит голос нашего первого авангарда, голос наших писателей, и мы, сегодня собравшиеся на свой сбор «10 декабря», воздадим Походному Атаману ВК, нашим литераторам, молодцам атаманам и союзникам — Украине и Кавказу — честь и славу, благодарность и любовь!...

Ст. **П. Л. Макаренко** в своей информационной речи говорит о тех условиях, в которых приходится работать ВК, о тех методах, к которым прибегают враги ВК, чтобы тормозить его работу. Но движение ВК реально и корни его слишком глубоки в истории, чтобы кто-либо мог остановить его рост...

Закрыв список казачьих ораторов, председатель приветствует присутствующих на собрании: представителя Грузии госп. **Ламгатидзе** и представителей украинского военного журнала «Гуртуймося» полк. **Филоновича** и сот. **Бытынського** следующими словами: «Сегодня я имею честь приветствовать в своей казачьей среде наших союзников. В этот день мы, казаки, подтверждаем верность нашей общей с Вами идее свободы наших народов. Верим и в дальнейшую нашу сплоченность, которая является залогом успеха в нашем общем деле».

Затем слово было предоставлено госп. Ламтатидзе и полк. Филоновичу. Оба оратора в теплых тонах говорили о близости им казачьего освободительного движения.

Казаки-нацисналисты горячо приветствовали своих гостей.

В заключительной речи председатель собрания сказал следующее: «В этот день пусть знают наши друзья и наши враги о том, что мы были и будем настойчивы в достижении нашей цели; мы не сдадим занятых нами позиций; наш путь — только вперед!»

Закрывая собрание, ст. К. К. Поляков просит атаманов хуторов передать привет станичникам состоящим в их организациях, которым обстоятельства не позволили в этот день быть здесь на нашем собрании...

Атаманы хуторов и отдельные казаки-националисты приняли в Праге решение об'единить в. к. организации в Чехословакии в высшую организационную единицу.

В этот день казаки-националисты приветствуют Похо'ного Атамана И. А. Билого, сотрудников журнала «ВК» и всех казаков-националистов.

(Соб. кор.).

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Пока Краевая Рада производила свою работу, за кулисами произошли такие события.

Ген. Врагель утверждает, что распоряжение ген. Деникина об аресте и предании суду членов Кубанской заграничной делегации было для него «совершенной неожиданностью» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 226).

«Из поименованных в телеграмме лиц член Рады Кулабухов находился в Екатеринодаре, что не могло не быть известно Главнокомандующему. Приказ об аресте его в Екатеринодаре мог быть выполнен лишь распоряжением местной краевой власти, согласия каковой на это у генерала Деникина быть не могло. Было совершенно ясно, что конфликт между главным командованием и Кубанской Краевой Радой на этой почве неизбежен. Конечно, впредь до разрешения этого конфликта не могло быть и речи о возможности пересмотра и изменения Краевой Радой самого положения о Крае», пишет Врангель.

«Предоставив мне полную свободу действий, carte blanche, как он выразился, генерал Деникин, ни слова мне не сказавши, посылкой своей телеграммы ставил меня перед совершившимся фактом, совершенно спутывая все мои карты», продолжает Врангель.

«Профессор К. Н. Соколов, предупрежденный мною телеграммой, должен был ждать меня на станции Тихорецкая. В Екатеринодаре также были предупреждены о моем приезде. Я решил от'езд не откладывать, проехать в Екатеринодар и, в зависимости от обстановки на месте, действовать в дальнейшем. — Я прибыл в Екатеринодар поздно вечером. Отпустив встретивших меня лиц, я пригласил к себе в вагон генералов Науменко и Покровского. Телеграмма Главнокомандующего лишь подлила масла в огонь. И Атаман, и Правительство, и Рада усмотрели в ней нарушение основных прав Кубани. Рада готовила решительный протест... Генерал Покровский вновь настаивал на самых решительных действиях, предлагая попросту оцепить Раду войсками, схватить и на месте расстрелять целый ряд лиц. После этого, по его словам, «Рада выберет атаманом того, кого ей прикажут». — Я самым решительным образом воспретил ему какие бы то ни было выступления, аресты и т. п. без моего на то разрешения. Сам я решил, не останавливаясь в Екатеринодаре, проехать в Кисловодск, где выждать в зависимости от дальнейшего хода событий возможность действовать. **Генерала Науменка я просил ежедневно по прямому проводу осведомлять меня об обстановке».** (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 226-227).

С своей стороны К. Н. Соколов, ожидавший на станции Тихорецкой приезда ген. Врангеля из г. Царицына, рассказывает следующее:

...На станции Тихорецкой «прошли мимо нас эшелоны двух «верных» полков, перебрасываемых с фронта в Екатеринодар «на отдых». Проехал пассажирским поездом туда же командир второго Кубанского корпуса ген. Науменко. Казачьи эшелоны произвели неблагоприятное впечатление. Казаки все время горланили разухабистые песни, а один из эшелонов, отходя от станции, обстрелял ее беспорядочным огнем из винтовок... В понедельник 28-го октября станция Тихорецкая с утра чистилась и принаряживалась, а после обеда к дебаркадеру подошел внушительный поезд Командующего Кавказской армией...

По дороге в Екатеринодар мы имели возможность обсудить с генералом Врангелем, как выражаются газетные хроникеры, «создавшееся положение». Ген. Врангель был тоже очень поражен телеграммой от 25-го октября. Она застигла его врасплох, как раз накануне от'езда. Конечно, она шла в разрез с прежними его планами и создала в Екатеринодаре совершенно новую обстановку. Ведь, не может же он, Командующий армией, получивший от своего Главнокомандующего приказ арестовать и предать суду четырех изменников, выступать с приветственной речью перед собранием, в котором присутствует один из этих изменников. С другой стороны, как он может исполнить приказ Главнокомандующего в отношении Кулабухова, раз Екатеринодар не входит в его армейский район и ни в какой мере ему не подчинен. Поэтому вот что он придумал. Надо, чтобы Главнокомандующий включил Кубань в тыловой район Кавказской армии. Командующим тылового района будет назначен ген. Покровский. Он, Врангель, предпишет ген. Покровскому привести в исполнение приказ Главнокомандующего. И только после того, как это будет сделано, для него откроется возможность выступить в Раде и настоять на проведении реформы конституции...

...В Екатеринодаре, куда мы прибыли вечером, никакой встречи Командующему армией не было, а просто в вагон генерала Врангеля вошли генералы Покровский и Науменко... Покровский доложил Врангелю екатеринодарскую обстановку. Распоряжение Главнокомандующего о включении Кубани в тыловой район армии еще не получено. Между тем в политическ. кругах царит страшное возбуждение. Правительство и Рада заседают и протестуют...

...Из совещания генералов, которого я был молчаливым слушателем, для меня выяснилось, что помимо ареста члена Рады Кулабухова ген. Покровскому ставилась еще задача положить конец деятельности «самостийников» путем удаления из Рады главных смутьянов, численность которых определялась различно — от 10 до 40 человек. И то, и другое — арест Кулабухова и устранение группы «самостийников» ген. Покровский принимал на себя с тем, чтобы возможно меньше вмешивать в дело Главное Командование и генерала Врангеля... Ген. Врангель, напротив, настаивал, чтобы все было сделано в строгом порядке, чтобы каждый нес свою долю ответственности за свои действия и распоряжения... В конце концов было признано, что ген. Врангелю пока в Екатеринодаре нечего делать и что он поедет в Пятигорск и Кисловодск и вмешается в ход событий позднее, в зависимости от указаний Главнокомандующего и донесений ген. Покровского...

...При прощании я в свою очередь задал ген. Науменко вопрос, считает ли он неизбежным принятие крайних мер. Популярный кубанский генерал, не колеблясь, ответил, что это совершенно неизбежно и что «стукнуть» необходимо. Ген. Покровский обратился со своей стороны ко мне с личной просьбой. В виду возможного избрания его Войсковым Атаманом, он просил меня на всякий случай составить проект обращения его правительства к населению края и двух приказов — Кубанскому казачьему войску и Кубанцам, сражающимся на фронте». (Статья Соколова: «Кубанское действо» т. 18-й «Архива русской рев.», стр. 224-247).

Таким образом, и ген. Врангель, и проф. К. Соколов неопровержимо устанавливают участие ген. В. Г. Науменка в перевороте. 9 месяцев он был военным министром Кубани и сделал все, чтобы не допустить организации Кубанской армии, а теперь поднял руку и на Кубанскую Краевую Раду...

Большевицкие армии били Кубань с фронта, а русские и свои генералы наносили удары с тыла. В этом заключалась страшная трагедия Казачества...

Обратимся снова к генеральскому совещанию, происходившему 28 октября на станции Екатеринодар.

Условившись с ген. В. Г. Науменьком относительно того, что ген. Науменко будем ежедневно по прямому проводу осведомлять Врангеля об обстановке в Екатеринодаре, ген. Врангель «тут же на вокзале... написал письмо генералу Лукомскому» — председателю Особого Совещания.

«Учитывая возможность дальнейших осложнений», говорит Врангель, «я желал иметь точные указания Главнокомандующего».

Вот выдержки из этого письма:

«Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

«Я препроводил Вам копию с письма моего ген. Покровскому от 21 октября, из коей явствует **мое несочувствие к вооруженному вмешательству во внутренние дела Кубани.** С одной стороны неполная уверенность в воисках, успевших значительно развратиться «самостийниками», с другой, опасение, даже в случае успеха, бури на Дону, могущей отразиться на фронте, требует от нас особой осторожности. Я надеялся на благоразумие одной части Рады и на достаточность военной угрозы для другой... К сожалению, избрание председателем Краевой Рады И. Макаренка заставляет признать, что обнаглевшие «самостийники» окончательно закусили удила... Если Рада пойдет по пути демагогии, то, по глубокому моему убеждению, силою вещей придется перейти от угрозы к действиям. Много сделано, чтобы войска, на которые я мог бы опереться, оправдали мое доверие. В Екатеринодар посланы наиболее стойкие части, во главе которых стоят крепкие начальники. Мой конвой составлен из отборных казаков моей 1-й конной дивизии и офицеров лично мне известных. На месте принят ряд мер для обеспечения успеха... Что касается последствий, могущих произойти, в случае подобного образа действий и, в частности, опасности бури на Дону, то это вопрос общей политики и я его решить без указаний Главнокомандующего не могу. Учитывая возможность политических осложнений, я сделаю все, чтобы избежать применения силы, но ход событий заставляет предвидеть возможность такого порядка вещей, когда отказ от военного вмешательства будет признанием слабости, а это, по моему убеждению, равносильно гибели. Докладывая об изложенном, испрашиваю срочных указаний Главнокомандующего»...

Немедленно после написания этого письма и отсылки его по назначению (полк. Лебедевым) ген. Врангель, вместе с Соколовым, выехал в Кисловодск. Доверенным лицом Врангеля в Екатеринодаре остался ген. В. Науменко, а техническим исполнителем был ген. Покровский.

На другой день по от'езде Врангеля из Екатеринодара, между ген. Науменком и генералом Врангелем происходит следующий разговор по прямому проводу Кисловодск-Екатеринодар:

Ген. Врангель: — «Здравствуйте, дорогой Вячеслав Григорьевич».

Ген. Науменко: — «Здравия желаю Вашему Превосходительству. С Радой ничего не выходит. Члены Рады идут на рожон... Прошу приказать ген. Покровскому ничего не предпринимать до нашего личного разговора. Нам надо поговорить лично. Когда Вы думаете приехать сюда, или может быть, мне приехать к Вам»...

Ген. Врангель: — «Предоставляю решить этот вопрос самому. **Ежели Вы полагаете присутствие генерала Покровского в Екатеринодаре нежелательным, то я могу снестись с Таганрогом и просить о его вызове или вызвать его сюда».**

Ген. Науменко: — «Это решить трудно, нам надо переговорить»...

(Из статьи быв. Войскового Атамана ген. Фи-

лимонова. «Историческая справка (к сведению Кубанской Рады)», напечатанной в газете «Новое Время» 11 октября 1923 г., нр. 738. Белград. Югославия).

Далее ген. Врангель говорит: «Представлялось ясным, что выполнение требования Главнокомандующего касательно ареста члена Рады Кулабухова потребует вооруженного вмешательства, последствия которого трудно было учесть. Однако, отступать было уж поздно. Ясно было и то, что теперь добиться упразднения Законодательной Рады и изменения «Положения об управлении Краем» в смысле нам желательном возможно было бы лишь насильственным путем».

«Я просил профессора К. Н. Соколова доложить Главнокомандующему известную ему обстановку и предложить три решения», продолжает Врангель. «Первое из этих решений было предложенное ген. Покровским: разгон Рады, беспощадная расправа с самостийниками и возглавление Края насильственно посаженным Атаманом. Участвовать в этом я не считал для себя возможным. В этом случае я предполагал предоставить ген. Покровскому свободу действий, предоставляя ему, в дальнейшем, получат приказания непосредственно из Ставки. Второе решение предусматривало маловероятный случай, если-бы генерал Деникин, отказавшись от своего первоначального решения, попытался бы вступить на компромиссный путь мирных переговоров. Решению этому я, конечно, также сочувствовать не мог и предполагал в этом случае, отдав ген. Покровскому приказание о невмешательстве, немедленно вернуться в Царицын.

Наконец, третье решение намечало арест Кулабухова и других сочувствующих ему лиц, предание их военно-полевому суду, а затем переговоры с Радой, с целью добиться от нее изменения «Положения об управлении Краем». Это решение, наиболее трудное по исполнению, требовало большой твердости, осторожности и ловкости. Однако, по моему глубокому убеждению, оно в настоящих условиях было единственно правильным.

Я учитывал возможность и того, что генерал Деникин попытается вообще от всякого определенного ответа уклониться, я же считал необходимым обусловить свои действия точными указаниями Главнокомандующего. Быстро развивающиеся события при отсутствии определенных указаний свыше войскам, могли ежечасно вызвать вооруженное столкновение. Имея это в виду, я писал Главнокомандующему, что, не получив до указанного срока никакого ответа, предоставляю генералу Покровскому возможность расправиться с Радой **по его усмотрению.** Мое участие в этом случае было бы ограничено лишь последующими переговорами с Радой. Возможность подобного исхода должна была побудить ген. Деникина дать определенный ответ. Вместе с тем, я просил Главнокомандующего о включении Кубани в армейский район Кавказской армии. Я вручил профессору К. Н. Соколову соответствующее письмо на имя помощника Главнокомандующего ген. Лукомского» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 228-229).

Вместе с тем, ген. Врангель особой телеграммой просил Главнокомандующего не принимать решения до выслушания доклада проф. К. Соколова.

К. Н. Соколов, прибыв в Ростов, передал Лукомскому письмо Врангеля. Ген. Лукомский «склонился к третьему варианту» переворота и «распорядился, чтобы меня (Соколова) доставили в ставку экстренным поездом»... «В кабинете ген. Деникина я был встречен с нескрываемой иронией», повествует К. Соколов:

— «Вот таковы наши «переворотчики», сказал улыбаясь начальник штаба, **«сами заварят кашу,** а потом бьют отбой» (начальник штаба — ген. Романовский).

«И генерал Романовский протянул мне телеграмму, только что полученную от ген. Врангеля. Ген. Врангель просил в ней Главнокомандующего не принимать окончательного решения до выслушания моего доклада и прибавляя, что получил в свое распоряжение данные, **позволяющие расчитывать на мирное улажение конфликта.** Я ответил, что хотя подобно ген. Лукомскому лично считаю неизбежным решительные меры в смысле третьего из предложенных ген. Врангелем вариантов, тем не менее мне понятны сомнения, испытываемые «переворотчиками». Я сослался при этом на настроение фронта, на сложную обстановку в Екатеринодаре и на малую надежность переброшенных туда частей. Особо я отметил противоречие приказов от 25 октября первоначально принятому плану. Тут генерал Деникин прервал меня замечанием, что ему тоже понятно недовольство ген. Врангеля этим приказом, который устраняет всякую возможность отступления... Подводя итоги моему докладу и последовавшей за ним беседе, ген. Деникин сказал, что, если ген. барон Врангель желает иметь бумажку с подписью его, Главнокомандующего, то он охотно такую бумажку даст. Тут он поручил ген. Романовскому соединиться прямым проводом с Кисловодском и передать ген. Врангелю составленную им телеграмму. Текст телеграммы точно отвечал третьему варианту. Я пробыл в кабинете ген. Деникина, пока шли сношения с Кисловодском, почти до утра. За это время ген. Деникин ознакомил меня с содержанием речи, с которой он должен был выступить в следующий четверг на Большом Войсковом Круге в Новочеркасске. ...Наконец, уполномочив меня составить для ген. Покровского нужные ему документы, ген. Деникин пожелал мне счастливого пути в Кисловодск» (цитированная выше статья К. Соколова: «Кубанское действо», стр. 248-250).

Из этого сообщения одного из заговорщиков видно, что ген. Деникин, а не кто другой, приказал произвести переворот на Кубани и что Деникин не прочь был посадить Покровского Атаманом на Кубани, а сам собирался выехать в Новочеркасск убаюкивать Донской Круг своей речью...

31 октября ген. Врангель получил следующую телеграмму Деникина, о высылке которой сказано выше:

«Приказываю Вам немедленно привести в исполнение приказание мое Нр. 016729 и принять по Вашему усмотрению все меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре, входящем в Ваш армейский район. 1 час 50 минут 31/10. 1919. Нр. 014598. Деникин».

О дальнейших приготовлениях заговорщиков против Казачества Врангель рассказывает так:

«Руки у меня были развязаны. В этот же день (31 октября) прибыл ко мне ген. Науменко. **Мы подробно обсудили дело.** Ген. Покровский должен был произвести аресты Кулабухова и ряда других лиц и немедленно предать их военно-полевому суду, каковой должен был быть сформирован при имеющейся у него бригаде полковника Буряка. Дабы не ставить Атамана (Филимонова) в тяжелое положение и тем еще более не осложнять вопрос, я просил ген. Науменко переговорить от моего имени с ген. Филимоновым и постараться убедить его сложить с себя атаманское звание. Я тут же написал соответствующее предписание ген. Покровскому, которое и **передал ген. Науменко для вручения его Покровскому лишь после того, как Атаман примет решение».**

«Ген. Покровскому. Мною получена следующая телеграмма Главнокомандующего: (далее приводится текст выше приведенной телеграммы Деникина от 31 окт. нр. Р14598)... Во исполнение изложенного приказываю Вам с получением сего арестовать члена Парижской конференции Кулабухова, а равно всех тех лиц, из числа намеченных Вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации, в связи с текущим политическим моментом. Арестованных лиц немедленно предайте военно-полевому суду, каковой сформируйте при бригаде полковника Буряка и приговор суда **приведите в исполнение безотлагательно.** Кисловодск, 31 октября, нр. 163. Врангель». (Врангель, т. 1, стр. 230-231).

Ген. Науменко взял с собою этот приказ Врангеля и отправился в Екатеринодар с целью 1) уговорить Филимонова сложить с себя звание Атамана и 2) после этого только передать Покровскому приказ Врангеля об арестах и повешении ряда членов Кубанской

Рады. Из этого видно, какую выдающуюся роль в перевороте на Кубани играл ген. В. Г. Науменко.

Между тем 1-го ноября, когда ген. Науменко прибыл уже с этими поручениями Врангеля в Екатеринодар и приступил к проведению их в жизнь, сам ген. Врангель получил следующее приказание Деникина.

«Предлагаю Вам, **по обсуждении вопроса с кубанским войсковым Атаманом,** привести в исполнение мое приказание по телеграмме Нр. 016729 в отношении Кулабухова. Если представится необходимым, Кулабухов может быть для осуждения препровожден в Таганрог. Ген.-лейт. Деникин».

Выходило, что Деникин настаивал только на аресте А. И. Кулабухова. Между этим приказанием и телеграммой Деникина от 31 октября имеется различие.

Послав ген. В. Науменка в Екатеринодар, Врангель так оценивал свою роль: «Все распоряжения были отданы. мне оставалось только ждать». И далее додает: «2-го ноября я получил телеграмму председателя Краевой Рады Макаренко, в ответ на приветственную телеграмму, посланную мною Краевой Раде из Царицына» (24 октября):

«2 ноября 1919 г. Кубанская Краевая Рада в Вашем лице приносит глубокую благодарность за приветствие доблестной, предводимой Вами армии. Безмерно ценя мужество и неувядаемую стойкость сынов Кубани, Рада с своей стороны приложит все усилия к облегчению их настоящего ратного подвига и дальнейшего славного пути. Заместитель председателя Краевой Рады Макаренко».

1-го ноября ген. Науменко вступил в переговоры с Филимоновым с целью склонить последнего отказаться от атаманства. 2-го ноября он докладывал Врангелю по прямому проводу из Екатеринодара в Кисловодск результаты своих переговоров:

Ген. Науменко — «**Первое:** говорил с ген. Покровским. Он ожидает Вашего распоряжения. Не признаете ли нужным назначить его командующим войсками тылового района армии, в положительном случае прошу передать **через меня** телеграмму. **Второе:** относительно Рады говорил с Атаманом, но не мог доказать ему, что ему надо уйти. Приводил все выгоды этого, но тщетно. Полагаю необходимым переговорить еще раз и, если он останется при своем мнении — передать ген. Покровскому Ваш нр. 163. **Третье: Прошу разрешить мне после этого выехать в Царицын для дальнейшего следования в корпус.. Четвертое:** вчера говорил с Покровским, у него все организовано и он безусловно уверен...

Ген. Врангель: — «**Первое:** прошу принять и передать по всем адресам нижеследующую телеграмму: «Екатеринодар. ген. Покровскому, копии: Таганрог, Наштаглаву, Царицын — Наштармкаву: назначаю Вас командующим тылового района армии. Кисловодск. 2-го ноября, 10 часов, 30 мин. утра. Нр. 169. Врангель». **Второе:** Главное командование настаивает на срочном выполнении своего приказания. Дальше медлить нельзя»...

(Из выше цитированной статьи ген. Филимонова: «Историческая справка»).

Не уговорив Филимонова отказаться от Атаманской власти, Науменко передал Покровскому приказ Врангеля об аресте членов Рады, о предании их военно-полевому суду и о безотлагательном приведении приговора суда в исполнение.

* * *

Что же в это время делал Кубанский Войсковой Атаман ген. А. П. Филимонов, отказавшись принять совет Врангеля-Науменко стать в стороне во время страшного насилия над Кубанской Краевой Радой? Что делал выборный глава Кубанского Края, в руках которого находилось верховное руководство вооруженными силами Края?

Ген. Филимонов прекрасно был осведомлен о заговоре. Но он не арестовал заговорщиков и не предал их Кубанскому суду.

Если ген. Филимонов, как В. Атаман, не считал себя в силе предпринять те шаги, которые он **обязан** был сделать в силу **добровольно** принятой на себя торжественной присяги перед старыми славными боевыми знаменами Кубанского Казачьего Войска, он, Филимонов, должен был немедленно явиться в Краевую Раду, избравшую его, сообщить о заговоре и сложить с себя звание Атамана.

Ген. Филимонов этого не сделал и, больше того, продолжал сноситься с заговорщиками и покровительствовал им в их черной работе...

Но этим Кубанский Атаман не ограничился. Отказавшись отойти в сторону, ген. Филимонов в тот же день явился в Раду и огласил там: 1) приказ Врангеля о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии, 2) приказ Врангеля о назначении Покровского командующим войсками тылового района, 3) телеграмму начальника штаба Кавказской армии ген. Шатилова на имя Филимонова с сообщением о двух выше названных приказах и 4) телеграмму Врангеля о том, что он «при настоящих условиях» не может воспользоваться» приглашением — посетить Краевую Раду». При этом ген. Филимонов очень сетовал в Раде на то, что Врангель лишен теперь возможности прибыть в Краевую Раду.

Филимонов не пришел в Раду с тем, чтобы довести до ее сведения о своем атаманском приказе, в корне уничтожавшем все эти генеральские сети на Кубани. Филимонов не пришел кликнуть Атаманский клич к кубанским войсковым частям — стать во всеоружии на страже независимости Кубани, ее Конституции, ее чести и достоинства. А между тем одного твердого слова Атамана было достаточно, чтобы ликвидировать генеральские замыслы против Вольной Кубани, чтобы призвать к порядку безумных сынов

НОВАЯ ТРЕВОГА

14 декабря в «П. Н.» — «с особенным удовольствием» — напечатано обращение «От Русского национального комитета», начинающееся так: «Трагедия русской эмиграции все возростает»...

В чем дело? — А дело в том, что

...«среди великих держав у России нет подлинных друзей, которые готовы были бы освободить ее от коммунистического ига»...

Далее следует протест:

...«Мы считаем недопустимым государственным недомыслием призывы приложить руку к разделу России и, следовательно, к еще большему ослаблению русского народа, который оставлялся бы при этом догнивать в язвах коммунизма, локализованного в Московии»...

И, наконец, признание своего бессилия:

«Мы признаем всю глубину трагизма для нашего патриотического сознания от этой невозможности антибольшевитского боевого сотрудничества с двусмысленными «союзниками». Но выхода из этого трагического воздержания до времени не видим»...

— Не будем делать никаких комментарий к приведенным выше выдержкам: лежачего не бьют. Но все же, было бы интересно спросить наших «русских казаков»: какие выводы сделают они из подобных признаний?

Кубани из окружения ген. Покровского, поднявших предательскую руку против своей родной Матери Кубани... Все эти офицеры из свиты Покровского и сам Покровский должны были быть немедленно арестованы по приказу Атамана. Если ген. Филимонов нашел возможным перед началом работ Краевой Рады, нарушая Кубанскую Конституцию и идя против воли своего же Правительства, удалить с должности начальника стражи гор. Екатеринодара, то тем с большим успехом он мог ликвидировать ген. Покровского, растоптавшего Кубанскую конституцию, уничтожившего власть самого Атамана...

Краевая Рада в целом тоже не оказалась на высоте той ответственной роли, которую она обязана была сыграть в те страшные дни. Если хозяин видит в своем дворе злодеев, пришедших его обокрасть, пришедших его убить, он, если имеет оружие, преследует этих разбойников и выгоняет их из своего двора... Краевая Рада сама называла себя Хозяином Земли Кубанской. Из прочитанных ей приказов: Деникина от 25 октября, Врангеля — от 2-го ноября Краевая Рада должна была видеть, что политические разбойники уже расположились в самой Кубанской столице, что они себя ведут дерзко, вызывающе...

Рада должна была понять, наконец, действительную роль Филимонова, который в Раде открыто говорил о дегте в кубанской бочке меда, разумея под этим дегтем не себя с ген. Науменко и другими, помогавшими Деникину обманывать Кубань, помогавшими Деникину вести кубанцев на кровавую московскую дорогу, а разумел самостийников, боровшихся за счастье Казачества, за его лучшее будущее; в то же время Филимонов, после обвинительной речи полк. Гончарова, защищал ген. Науменко (см. об этом выше); Филимонов превратился в посыльного группы заговорщиков — он приходил в Раду затем, чтобы прочитать то приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации, то приказ Врангеля о включении всей Кубани в тыловой район Кавказской армии...

Рада не разгадала роли Филимонова. Если бы она тогда же поняла это, она обязана была бы немедленно удалить Филимонова от должности Атамана и на его место поставить лицо, способное защитить Кубань от насилия.

Что же сделала Рада? В отчете о ее вечернем заседании 2-го ноября читаем, что Краевая Рада **единогласно,** при одном воздержавшемся, приняла следующее постановление:

«Заслушав и обсудив телеграмму ген. Врангеля за Нр. 580 о назначении ген. Покровского командующим тыловым районом, а равно телеграмму ген. Шатилова и, принимая во внимание, что на территории Кубанского Края может действовать только власть, установленная на основании Временного положения об управлении Кубанским Краем, Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада постаовила:

а) вышеприведенные распоряжения не имеют и не могут иметь никакой силы по отношению Кубанского Края,

б) Кубанскому Войсковому Атаману и Правительству наблюсти **неукоснительно** за соблюдением Кубанской Конституции и настоящего постановления Рады».

Формально Рада была права. Как Законодательное установление она приказывала исполнительной власти соблюсти и охранить **Кубанскую Конституцию, установившую государственную независимость Кубани.** Но по существу, Рада не была права, так как должна была видеть, к чему ведет дело Кубанский Атаман, докладывая в Раде приказы «белых» генералов. Для об'ективности отметим, что Атаман Филимонов и Кубанское Правительство 30 октября распубликовали **протест** против приказа Деникина о предании военно - полевому суду членов Кубанской заграничной делегации и в этом протесте находим между прочим следующее:

...«Во всяком случае, упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и, как таковые, пользуются неприкосновенностью, почему в случае совершения ими незакономерных действий могут подлежать суду только Кубанской Краевой власти, их делегировавшей. Приказ о предании названных лиц военно - полевому суду, является нарушением прав Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляют правосознание **Кубанского народа** и не может не отразиться на настроении народа и фронта» и т. д.

И надо сказать, что Краевая Рада, в общем, поверила тогда в честность и искренность заявлений **Краевой исполнительной** власти, которая ни словом не обмолвилась перед Радой, ни о своем бессилии, ни о своем нежелании использовать вооруженные силы Кубани, бывшие в непосредственном распоряжении Краевой власти в самом Екатеринодаре, для действительной защиты независимости Кубани.

Рада верила Правительству и Атаману. Рада знала, что Екатеринодарские войсковые казачьи части беспрекословно и с радостью исполнят **приказ** Краевой власти для **защиты** Кубани от посягательств русских генералов. И потому Рада ограничилась **приказом** исполнительной власти «наблюсти неукоснительно за соблюдением Кубанской Конституции». Конечно, Рада тогда не знала, к чему ведут дело предатели. Знали о предательстве некоторые члены Рады, но они не сказали Раде о ждущей ее участи. Если бы сказали, 2-го ноября легко можно было ликвидировать разбойничье гнездо ген. Покровского.

Рада единогласно приняла постановление, но ни Атаман, ни Правительство не приняли необходимых мер для ликвидации заговора...

С своей стороны, Краевая Рада решила искать моральной поддержки у своих соседей — на Дону и на Тереке.

Депутаты Ейского отдела на своем отдельском заседании 1-го ноября единогласно решили предложить Раде послать на Большой Войсковой Круг делегацию в составе по одному представителю от каждого из семи отделов Кубани, от Горской группы и от сельско-городской группы. По мнению Ейского отдела эта делегация Краевой Рады не только должна информировать и приветствовать Донской Круг, но провести мысль о необходимости «созыва Об'единенного собрания Донского и Терского Кругов и Кубанской Рады для обсуждения вопроса об организации Южно-Русской власти («Куб. Воля», 2-е ноября 1919 г.).

2-го ноября Краевая Рада выслала свою делегацию на Донской Круг, а другую делегацию послала на Терек. 4-го ноября делегация Рады выступила уже с приветствиями на заседании Донского Круга и с раз'яснением необходимости поддержки Кубани со стороны Круга. Глава Кубанской делегации Белашов, об'ясняя создавшуюся на Кубани обстановку, говорил:

...«На горизонте Кубани сгустились ныне тяжелые, зловещие тучи. В борьбе за возрождение России Кубань понесла жертвы. Между темь, есть основания полагать, что Кубанское государственное устройство игнорируется и ее высшие краевые учреждения считаются как бы недействительными. Мы, Кубанцы, твердо надеемся, что Дон не забудет помощи, оказанной ему Кубанью в критический момент — марте сего года (см. 2-ю часть «Траг. Казач.») и Донцы, в свою очередь, придут к нам на помощь в нынешнее тяжелое для Кубани время и тогда **об'единенными усилиями мы выйдем на светлый путь.** Об'единение Казачества вызывается насущными требованиями жизни. Сплоченное, демократически настроенное Казачество даст возможность в ближайшем будущем пробиться к центру России, к Москве и там через созыв Всероссийского Учредительного Собрания создать порядок, дать землю и волю многострадальному русскому народу. Путем этого единения мы можем достигнуть заветной цели — Российской Федеративной Демократической Республики» («Приазовский Край», 10- ноября 1919 г.).

И эта речь, как и многие другие подобные речи кубанских политических деятелей, свидетельствует о том, что среди тогдашних самостийников не было ясности политического мышления, что в головах их была большая путаница...

Несмотря на такие миролюбивые речи Кубанской делегации, председатель Донского Круга В. А. Харламов, поддержанный некоторыми, особенно энергич-

ными и политически слепыми сторонниками Деникина, сделали все возможное, чтобы Большой Круг **до переворота на Кубани** не оказал моральной поддержки Кубанской Краевой Раде, выдерживавшей натиск русских «белых» сил...

Войсковой Круг **два дня** обсуждал вопрос, поставленный Кубанской делегацией и не вынес никакого постановления... Председатель Круга Харламов усиленно звал Деникина на Круг, чтобы рассеять впечатление от заявлений Кубанской делегации и речей оппозиционно настроенных по отношению к Деникину членов Донского Круга...

Действительно, ген. Деникин прибыл на Круг и выступил там 7-го ноября с **трехчасовой** речью соответствующего содержания. Совпадение ли событий или планомерная деятельность руководителей похода на Казачество были причиной того, что Деникин выступил на Донском Кругу в тот самый день, когда палач Кубани — Покровский повесил в Екатеринодаре борца за казачьи права — А. И. Кулабухова...

Делегация Кубани на Терек тоже не имела успеха. Терский Атаман говорил с Врангелем, говорил по прямому проводу с Новочеркасском... Терское правительство и Атаман ограничились только выслушанием Кубанской делегации...

Этот явный неуспех на Дону и на Тереке убивал настроение у Кубанцев и подбадривал насильников генералов...

Должно быть особенно подчеркнуто и то, что со времени подготовки переворота на Кубани особенно участились сообщения русских газет о провале украинского освободительного движения. Когда же Деникин издал свой приказ об аресте и предании суду членов Кубанской делегации, подобные сообщения особенно участились.

Надо ли говорить о том, что ежедневно печатавшиеся во всех газетах сведения о катастрофе украинского национального движения в весьма сильной степени влияли на настроение и линию поведения известной части руководителей самостийников в Кубанской Краевой Раде, как влияли и на поведение их противников в Раде и вне ее...

Таким образом, кубанские самостийники оказались в полном и безнадежном одиночестве: ни с Дона, ни с Терека поддержки нет, а украинское освободительное движение тоже переживало дни катастрофы. Это прекрасно сознавали самостийники, хорошо понимали и русские люди и производили все усиливающийся нажим на Казачество.

Не только Кубанский Атаман Филимонов, бывший военный министр Кубани ген. Науменко, некоторые старшие начальники казачьих частей и казачьи офицеры из окружения ген. Врангеля принимали то или иное участие в подготовке вооруженного переворота на Кубани, в этом злом деле принимали известное участие и иные, не военные кубанцы.

Как рассказывает бывший член Куб. Правительства и Рады Д. Е. Скобцов, «как-то возвращаясь домой из заседания Рады числа 29-30 октября, я встретил члена Рады Литовкина. Мы с ним были знакомы, встречались в Раде, в более частной обстановке виделись всего 3-4 раза. Неожиданно Литовкин остановил меня и с таинственным видом сообщил последние новости. По его словам ему пришлось узнать из совершенно достоверного источника о цели прибытия в Екатеринодар ген. Покровского. Вопрос о репрессиях в отношении определенной группы членов Рады предрешен. При этом самому Атаману Филимонову, в случае его противодействия, не сдобровать, — во всяком случае, дни его Атаманства сочтены. Выслушав мое совершенно осуждающее подобный образ действий мнение, Литовкин, к большому моему удивлению, заявил, что ген. Покровский, по его, Литовкина, сведениям желает со мною поговорить и наверное на этих днях обратится с просьбой о свидании» (статья Д. Скобцова: «Драма Кубани», напечатанная в журнале «Голос минувш. на чужой стороне», нр. 1 за 1926 г. Париж. стр. 231).

Хотя Д. Скобцов старается изобразить дело так, что ему и его группе принадлежит роль «третьей стороны», все же даже из вышецитированного признания его видно, что далеко до переворота он, Скобцов, и его собеседник Литовкин знали о готовящихся событиях.

Не менее важным было и то, что ген. Деникин, издавая приказ о предании суду членов Кубанской делегации, действовал в полном соответствии со статьей того же Д. Скобцова, напечатанной им еще 20 окт. в одной из Екатеринодарских газет и квалифицировавший поведение членов этой Делегации, как измену, и потому, писал Скобцов, эти «государственные преступники и должны быть немедленно привлечены к законной ответственности».

Если даже допустить мало вероятное, а именно то, что член Рады Скобцов узнал о готовящемся перевороте впервые только от члена Рады Литовкина 29-30 октября, то и то является вопрос, что же он сделал для предотвращения надвигающихся грозных событий, против которых он будто бы протестовал. Проще всего было прийти в Раду и доложить ей о замыслах врагов кубанской государственности.

Нет, ни Скобцов, ни Литовкин в Раду не пришли и не доложили ей о готовящемся на нее нападении. Они не открыли глаза Раде на существующий заговор, они скрыли от Рады известные им причины пребывания ген. Покровского в Екатеринодаре.

Далее Д. Скобцов рассказывает о том, что «как то в перерыве между заседаниями» он встретился за сценой с членом Парижской делегации А. И. Кулабуховым и что последний «в группе собравшихся стал громко сетовать на то, что многие его, «друзья в ковычках» советуют ему скрыться от якобы грозящей ему опасности, в связи с приказом ген. Деникина. Но ничуть не бывало, — он останется и будет продолжать работу. Так же громко, чтобы все слышали, я (Скобцов) отозвался на его слова: «Не знаю, к каким друзьям своим Вы меня относите, Алексей Иванович, — в кавычках или без кавычек, но я от всей души посоветовал бы Вам скрыться, и как можно скорее» (там же стр. 223).

И это признание Д. Скобцова не вызывает сомнений относительно его своевременной осведомленности.

...«И вот уже 3-го или 4-го ноября», повествует Д. Скобцов... «ко мнѣ пришел ген. Н. М. Успенский. Я всегда относился к нему с большим уважением. Отозвав меня в сторону, он сказал, что ему известно о приглашении меня к себе Покровским, и о моем отказе пойти к нему. Так вот теперь он, Успенский, пришел ко мне и советует мне пойти к Покровскому. — Быть может, Вам удастся предотвратить многое».

«Посоветовавшись тут же с ближайшими политическими друзьями, я дал Успенскому согласие пойти на следующий день утром к Покровскому. Чтобы избежать всяких кривотолков, я на утро пригласил к себе на квартиру своих политических друзей, а также представителя другой группы К. А. Безкровного, к этому времени уже не состоявшего членом Правительства. Предупредив их всех, куда иду, я обещал рассказать по возвращении содержание разговора с ген. Покровским, в руках которого была в те дни судьба Кубани... У Покровского меня провели в небольшую комнату... Наше толкование началось с того, что он дал мне прочитать часть вышеуказанного документа, — официального письма, — написанного размашистым, незнакомым мне тогда почерком (впоследствии мне пришлось познакомиться с почерком ген. Врангеля, думаю, что письмо было его). Сложено письмо было так, что подписи нельзя было прочесть. В этой части письма Покровскому предлагалось произвести необходимые действия, арестовать известных ему членов Рады (всего, помнится, около 32 человек) и предать военно-полевому суду. К этому, помню, добавлялось: «Суд должен быть скорый и исполнение немедленное».

В 1926 г., составляя статью «Драма Кубани», Д. Скобцов записал: «До глубины души я был возмущен этим»... «Но неужели Вы не понимаете, что подобные действия будут иметь совершенно обратные ожидаемым результаты?» заметил я. «О-о, знаете, виселица имеет свое значение, — все притихнут»...

Во время этого же свидания Покровский показал Скобцову список членов нового кубанского правительства, которое должно придти к власти после переворота. «Каково же было мое удивление, когда во главе этого замечательного списка я увидел собственную фамилию, — я как председатель Правительства, Сушков, как член Правительства по ведомству народного просвещения, Успенский — по ведомству внутренних дел или военных» и т. д.

Мы должны сейчас заметить, что после переворота в действительности роли были распределены несколько иначе, а именно: Д. Скобцов стал председателем Краевой Рады, Ф. Сушков — председателем Правительства, ген. Успенский — Кубанским Атаманом и т. д.

Как видно из сообщения самого Скобцова, он сносился с ген. Покровским с ведома целого ряда лиц, которых он называет своими политическими друзьями. По возвращении от Покровского «дома я передал весь разговор заранее приглашенным лицам», повествует Скобцов, а потом пошел к Войсковому Атаману и... «передал Атаману вкратце содержание нашей беседы» с Покровским... (там же, стр. 236-241).

Из всех весьма путанных сообщений Д. Скобцова важно признание того, что 1) Кубанский Атаман, Д. Скобцов и их единомышленники заранее знали о готовящемся вооруженном насилии над Краевой Радой, знали и о том, что целая группа членов Краевой Рады была обречена на смерть, и 2) что главный палач Кубани — ген. Покровский из состава политических противников членов Рады, обреченных на смерть, составил список нового Кубанского Правительства.

Что же предприняли Кубанский Атаман Филимонов, член Рады Скобцов и его «политические друзья», узнав от Покровского о предполагаемом кровавом перевороте? Если Д. Скобцов и ген. Филимонов действительно возмущались предполагаемым насилием над Радой, как эти лица пишут это теперь за границей, то почему они не пришли в Раду и не сказали ей о намерениях ген. Покровского, почему они не сказали об этом тем лицам — членам Рады, которых ожидала смерть?

Почему они не сделали этой простой и естественной вещи, если только не участвовали в заговоре и в его проведении?!

Замечательно то, что ген. В. Г. Науменко, приняв самое активное участие в подготовке расправы и доведя организацию переворота до того момента, как в руках Покровского оказались необходимые документы и военные силы для осуществления самого переворота, не остался в Екатеринодаре, а уехал на фронт. Подобное видим и у Д. Скобцова: узнав от ген. Покровского все данные о готовящемся злодеянии и поинформировав своих «политических друзей», 5-го ноября вечером, как пишет Скобцов, «счел возможным очень рано уйти с заседания и дома пораньше лечь **спать**, тем более, что предыдущие дни пришлось совсем отказаться от сна» (цит. статья Скобцова, стр. 241). К этому следует добавить, что в тот вечер, когда Д. Скобцов очень рано ушел спать, ген. Покровский пред'явил ультиматум и т. д.

(Продолжение следует)

Николай Посоухов

Путями предков

(Продолжение).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пуста и безлюдна лесная дорога. Лесную тишину нарушают только птицы, заливающиеся звонкими песнями. В горных станицах есть у Джигита друзья-казаки, на верность которых он может положиться.

Вот и сейчас заехал он в станицу Каменномостскую к старому казаку Кузнецову, сослуживцу своего покойного отца. Кузнецов уже знал о трагической смерти своего друга и тепло встретил Джигита.

— Чувствую, сынок, что с невеселой вестью прибываешь ты к нам.

— Правда, отец, вы угадали... И Джигит поведал все, что случилось за последние дни.

— Чтож, сынок, поживи у нас, отдохни, посмотрим, дальше что будет и что надо будет делать.

— Нет, отец, ждать нельзя, отвечал Джигит, скажите, что думают у вас казаки?

— Да, что же думают, сынок? Когда мы на станичном сборе узнали о произволе белых генералов, надругавшихся над казачьей душой, казнив нашего избранника, и об измене нашего атамана, то одни из нас заплакали, а другие, обнажив шашки, говорили: «Пришла пора и нам, седым старикам, садиться на коней и смывать позор с казачьей седой славы»... Да и не одна наша станица глубоко возмущена предательством атамана и тем, что не уберегли казаки своих патриотов. А, в общем, сынок, дело дрянь вообще. Что с нами будет, не знаем. Мы сейчас между двух огней. Многие наши сыны не верят атаману и уходят из полков к себе в станицу. Вчера я разговаривал с казаками, вернувшимися с фронта. Они рассказывали, что офицеры им сказали, что армия отступает в горы, чтобы отдохнуть и переформироваться. Получить от союзников оружие и снаряды и с новыми силами начать снова очищение казачьих земель. Но вот, наши сыны уходят с генералами, а следом за ними идут другие русские, красные — не лучше белых. Приближается гроза для Казачества... Плохо, ох, как плохо будет нам, казакам. Но я знаю, что пока в казаке есть сила жизни, он будет всякими силами бороться с чужим засилием и гнетом, т. к. казак и воля родились вместе и не могут существовать отдельно друг от друга.

Погостив несколько дней у Кузнецова, Джигит оставил станицу.

— Да благословит и укрепит тебя Господь на твоем трудном пути, напутствовал с дрожью в голосе старик Джигита, целуя на прощание.

Только в одном из армянских сел, не далеко от перевала, у самой горы красавицы Оштен нашел, наконец, Джигит станичников и урядника Нагайца. Радостно и тепло встретили они его.

— Вот хорошо, что вы к нам прибыли, говорил урядник Нагаец, угощая сочным пловом утомленного длинной дорогой Джигита. Нас сейчас здесь в окрестностях по селам и кошам 120 человек. Меня выбрали атаманом, мы решили выжидать и посмотреть, как будут вести себя красные и их власть. Если будут угнетать казаков и лить казачью кровь, то мы ответим тем же и беспощадно будем уничтожать всех русских, кто попадет в наши руки. Через несколько дней я соберу казаков на сбор и так как нахожу, что вам более приличествует быть атаманом, то предложу сбору выбрать вас вместо меня ватажным атаманом.

При этих словах Джигит нахмурился и возразил:

— Послушай, брат, если ты хочешь, чтобы я не оставил твою ватагу, то не поднимай вопроса о замене тебя мной. Я казак и не хочу итти против старого казачьего адата; Тебя ватага избрала атаманом, зна-

чит ты заслужил это доверие и постарайся оправдать его, а то, что я офицер, не должно иметь особенного значения, — я пришел к тебе в ватагу и подчиняюсь тебе, как нашему атаману. Если же ты хочешь сказать, что я, как офицер, имею больше военных знаний и практики, так я всегда, оставаясь у тебя в ватаге рад буду помогать тебе советом и делом. Итак, если не хочешь обидеть меня, то не заикайся больше о том, о чем ты сейчас говорил.

— Спасибо, г-н сотник, если вы так хотите, то так тому и быть.

Станичники крепко пожали друг другу руки.

В боевых заботах казаки не заметили, как подкралась Пасха. Этот знаменательный весенний праздник праздников, с которым у каждого верующего связаны особенно глубокие душевные переживания и который казаки издревле привыкли праздновать торжественно, в кругу родной семьи, в курене, вернувшись из церкви после Пасхальной заутрени, не мог пройти не замеченным и теперь. Каждый верующий, сознавая глубокое значение Христова Воскресенья для духовной жизни человечества вообще и каждого человека в частности, приготовляется к нему через очищение путем покаяния и воздержания. Ясно, что вспоминаемая в эти дни земная жизнь Христа, его учение и, наконец, его страдания и смерть глубоко затрагивают духовные струны души человека и заставляют его образно пережить и пройти тернистый путь, чтобы, наконец, достигнуть того момента, когда в Пасхальную ночь раздастся в храме и передастся из уст в уста это радостное и все знакомое, и в то же время, как-бы таинственное, полное глубокого смысла, восклицание: «Христос Воскресе!» Душевные переживания верующего в эти минуты Пасхальной ночи слишком глубоки и символичны, чтобы их можно было передать обыкновенным языком. Их можно только чувствовать. Сама природа своим пробуждением от сковывающей ее долго зимы, как бы тоже радуется Воскресению Христа, присоединяясь к общему ликованию. Душа, под влиянием благоговейной молитвы, оторвавшись от действительности, уносится в неземной духовный мир и наполняется каким-то особенно радостным приподнятым спокойным чувством и ищет духовного общения с подобными себе.

Нагаец и казаки его отряда встречали в непривычных суровых условиях эту Пасху, решив отметить ее скромным общим обедом в одном из поместительных домов армянского села, который занимался как раз Штабом.

Длинной показалась эта Пасхальная ночь казакам. Никто не мог скоро уснуть. Мысль невольно неслась в круг родной семьи, в родную станицу. Мысленно переживались Пасхальные праздники прежних лет. Вспоминались пасхальные дни в годы беззаботного детства и юности.

Не спал в эту ночь ни Джигит, ни Нагаец, лежа рядом на кровати из досок, положенных на бревна. Оба делали вид, что спят, но мысли каждого из них витали далеко. Наконец, чувствуя, что не заснуть ему в эту ночь и зная, что не спит также и Нагаец, Джигит обратился к поседнему:

— Что, брат, не спится тебе?

— Да, г-н сотник, разве в эту ночь заснешь? Не привык я в эту ночь спать. Бывало, всю ночь простоишь в церкви, освятишь куличи и Пасху и идешь себе домой и жена тебя уже дожидается и на столе чего только нет! Будит жена детей и сядем все разговляться, а разговеешься, уже на дворе день, спать не хочется, да и надо итти кормить и убирать худобу...

— Да, брат, я тоже не могу спать. Вот, и сейчас мне вспоминается детство и особенно один Пасхальный случай, когда мне было около 9 лет. Ведь ты сам знаешь, как бы казак не был беден, он никогда не забывает Бога и всегда готов помочь, чем может, своему ближнему, говорил в полголоса Джигит, боясь разбудить казаков, спавших здесь же на полу, на соломе. Но станичники не спали и слышали его разговор и, желая принять участие в их беседе, Майборода обратился к нему:

— Г-н сотник, мы тоже не спим, так что говорите громче.

— Добре, братцы, слушайте: мой отец любил всегда на Пасху приводить кого-либо из нищих, возвращаясь из церкви, чтобы дать возможность бездомному встретить этот Великий Праздник по человечески. Сами ведь вы знаете, что казаков нищих нет, а всегда около церкви встречаются нищие русские, приходящие к Празднику из соседнего города или же странники, приходящие на богомолье. Так вот, было однажды, что мой отец после долгой болезни не мог ходить и не мог пойти на всенощную в церковь. Мама была занята хлопотами по приготовлению к Пасхе и освятить кулич, яйца и пасху послали меня. Как сейчас помню, я прилег спать одетым и едва мама разбудила меня, сказав, что уже звонят к заутрене, я вскочил, освежил лицо холодной водой, взял приготовленный узел и собрался уходить. В открытую дверь слышался колокольный звон. Взяв большой узел, приготовленный еще с вечера, я отправился в церковь. Отец не спал и, провожая меня, сказал, чтобы я, если увижу нищего или странника у входа в церковь, пригласил бы его разговляться с нами. Весело было на душе, легко было итти в эту ласковую, теплую, весеннюю звездную ночь. Казалось, за спиной выросли крылья, которые несли, не давая чувствовать земли. По направлению к церкви шло уже много взрослых и молодых с такими же, как у меня, узлами. На площади перед церковью было уже много подвод с привязанными к ним лошадьми или волами. Это хуторяне с далеких и близких хуторов приехали ко всенощной. В церковной ограде, растянувшись кольцом почти вокруг всей церкви, лежали на траве развязанные узлы с куличами и около каждого сидел или стоял принесший его. Другие же, оставив куличи, стояли в стороне, разговаривая.

Утреня уже началась.

Выбрав место около знакомой мне девушки и поручив ей смотреть мой узел, я направился в церковь запастись свечами. Вернувшись со свечами и утвердив свечи на куличе, я стал разговаривать со знакомыми, как и я подростками.

Ночь подходила к концу. От предрассветной зари и от множества зажженных свечей уже было светло. В ограде стоял гул от разговаривавшего народа. Из церкви передали, что служба подходит к концу. На паперти появился батюшка с клиром, говор, нарушавший предрассветную тишину весеннего утра, стих.

И в ароматном воздухе раздавалось торжественное и радостное «Христос Воскресе!»

Помня приказние отца, я, выходя из ограды и видя седого старика странника, подошел к нему со словами: «Дедушка, пойдемте к нам разговляться». «Спасибо, внучек», ответил старик, торопливо вскидывая на плечи котомку, почти до верху наполненную подаяниями, направился за мной. Я оглянулся, старик медленно передвигал свои старческие ноги. Я замедлил шаги... Мы пошли рядом. «Как тебя звать?» спросил старик. «Коля», ответил я. «А кто твой отец?» задал он новый вопрос. «Мой отец вахмистр и имеет четыре медали за спасение погибавших на водах и в огне и крест за войну» отметил я удивленный, что он не знает моего отца, который так часто рисковал своей жизнью для спасения жизни своих ближних. Идя медленно со стариком, я теперь мог его хорошо рассмотреть. Ему можно было дать лет 70. Одет он был в простую серую свитку, очень ветхую и на голове была старая солеменная шляпа с узкими полями.

Когда мы подошли к нашему дому, отец уже ожидал нас и, одетый в черкеску, при всех своих медалях, вышел к нам навстречу на крыльцо дома. «Папа, вот я привел дедушку к нам», закричал я весело отцу. «Очень хорошо сделал, сынок», сказал отец, христосуясь со стариком и приглашая его войти в дом. Предложив затем ему оставить в коридоре котомку и палку, повел его в горницу. Я следовал позади старика, оставив узелок с крашенками дела в коридоре, а узел с куличем понес матери. Мать хлопотала, заканчивая накрывать на стол. Сестра помогала ей. Младший брат, уже одетый по праздничному, стоял у

своего стула, с нетерпением ожидая минуты, когда последует разрешение сесть и можно будет откушать всех тех яств, которыми был так обильно сервирован стол и на который он смотрел, глотая слюнки. Вошел и старший брат. Появилась мать и сказала, что все готово и можно разговляться.

Отец пригласил всех садиться. Все заняли свои места вокруг стола, ломившегося от пасхальных яств. Тут были ветчина, сало, яйца, гуси, колбасы, поросенок. Да что все перечислять, вы сами знаете казачий пасхальный стол.

— Да г-н сотник, раздался из темноты голос Волкова, у меня сейчас слюнки текут при одном воспоминании, а на глаза слезы наворачиваются...

Помолчав немного, Джигит продолжал:

— Пропели Пасхальную молитву и сели за стол. Мать предложила откушать сперва священного кулича, яичек, сала, а потом предлагала то одного, то другого. Отец наполнил стаканы вином. После первых здравиц с пожеланием здоровья, счастья, обильного урожая злаков и фруктов, завязался разговор о жизни. Старик оказался по месту рождения из Курской губернии. Он с грустью рассказал, что в молодые годы имел хату и кусок земли и был хозяином. У него была жена и двое детей, но неожиданно над ним пронеслась полоса несчастий, как над библейским Иовом. Сын, ушедший в солдаты, через год провинился перед начальством и был сослан в дисциплинарный батальон, где он, будучи слабого здоровья, не мог вынести суровой жизни и через пол года умер. Дочь простудилась и тоже сошла в могилу. Жена, тосковавшая по детям, не прожила и трех лет, тоже умерла. Несмотря на здоровье и силу, старик охладел в то время к хозяйству и работе. Чтобы поддержать хозяйство, он думал найти подругу жизни, другую жену, как вдруг в осеннюю ночь, во время стихийного пожара, когда сгорело больше половины села, сгорела и его хата. Решив, что ему не суждено жить на селе, старик ушел, куда глаза глядят и, вот, так живет бездомным, посещая святые места. Живет он Христовым именем, находя на зиму работу у хозяев за пищу, одежду и приют. Теперь старик задумал пробраться на Афон и на пути задержался в казачьих станицах. Уж очень добрый и хлебосольный народ эти казаки и уважают старость. «Вот, не знаю, сподобит ли меня Господь побывать в старом Афоне», закончил, вздохнув, старик. «Новый то Афон теперь не далеко». Наступило молчание. Проведенная без сна в церковной молитве ночь давала себя чувствовать. Все были утомлены, в окно вливались уже ласковые лучи весеннего солнышка. Отец предложил встать и пойти отдохнуть, приглашая старика на обратном пути из Афона зайти к нам и рассказать о виденном. Пропели молитву и отец приказал отвести старика на сеновал.

И, вот теперь, станичники, мне почему-то вспомнилась эта Пасхальная ночь и этот высокий седой старик, рассказ которого я тогда слушал с большим вниманием и старик мне тот казался добрым и святым. Я думал, что все русские мужики такие, но когда я вырос и ближе узнал их и узнал нашу казачью историю, я убедился, что под наружным видом святости в русском народе живет душа грубого насильника, способного на жестокости более, чем какой-либо другой народ. Да и на самом себе, во время пребывания в плену у красных, я испытал эту звериную ненависть русского мужика к казакам. Из поведения и отношения белых к нашей борьбе за независимость от русских красных я убедился, что белые враги нам, казакам, несмотря на то, что море казачьей крови пролито за интересы России в Великую войну... И сейчас мы покинули наши семьи, станицы по вине тех же русских, расплачиваясь за свою ошибку, что мы дали «белым» приют у себя и связали с ними нашу судьбу. И вот, вместо благодарности, казачество получило, как поется в старой песне: «Усилився вражий москаль, виганяє з хати»...

— Да и какой благодарности, г-н сотник, можно ожидать от народа, заметил из темноты Майборода, у которого есть пословица: «старая хлеб-соль забывается». Они именно эту пословицу, видимо, взяли за правило... Ведь не даром же за мужиками, которые переселились в наши станицы, упрочилось название Хамселов, что значит — хамом сел. Своим отношением к нам они заслужили себе такое название...

Только перед зарей умолк казачий говор и все заснули. Ярко и ласково светило солнышко, серебристым блеском сияла вершина Оштем, когда проснулись казаки и собрались, чтобы приготовить праздничный стол. Пришли и остальные казаки отряда, свободные от сторожевой службы. Еще накануне был запечен це-

РЕДКИЙ ГОЛОС.

Русский патриот, профессор академии генерального штаба, ген. Н. Н. Головин написал книгу «К чему идет Великобритания?» Касаясь русского вопроса (в статье «Проблема защиты «Империи Индийского Океана» — Защита с Севера, стр. 212), автор говорит:

...«Стихийное явление представляет собой развал России, происходящий как следствие пребывания в Москве у кормила ее Верховной власти большевиков. Одним из проявлений этого развала является отталкивание от Москвы всех частей Российской Империи, бывшей под царской властью «Великой, Единой и Неделимой». Особенно сильно проявляется этот процесс на окраинах России. Он уже привел к образованию ряда независимых государств, получивших характерное название лимитрофов. Но этот процесс еще не кончился. Пока государственная власть будет находиться в руках большевиков, он будет продолжаться, повинуясь неумолимым законам истории. Будут отпадать не только области с инородным населением, но даже в самих коренных областях России будет развиваться процесс дезинтеграции. Признаки такого процесса уже на-лицо... с одной стороны, это свидетельствуется ростом Украинской самостийности, с другой стороны — появлением ростков сепаратизма там, где казалось, что даже сама мысль о сепаратизме являлась смешной: в Казачьих областях, в Сибири и на Русском Дальнем Востоке»...

...«Для нас, русских (продолжает проф. Головин), главный вопрос заключается в том, как далеко зайдет этот процесс отпадения окраин от большевицкой Москвы ко времени освобождения от ига Коминтерна всей России. Соглашение между воскресшей Россией и Великобританией должно будет исходить от того фактического положения, которое создастся к этому времени. При этом нельзя будет, конечно, повторять той пагубной политико - стратегической ошибки бывших противобольшевицких вождей, которые хотели восстанавливать Россию в прежней унитарной и централизованной форме. Для меня несомненно, что будущая Россия вынуждена будет пойти по тому же пути, по которому так смело уже пошла Британская империя, а именно: по пути превращения в Союз Государств»... (Стр. 217-218).

— Мы привели эти две цитаты не для того, чтобы полемизировать с почтенным автором их, хотя и не разделяем всех его утверждений. Конечно, стремление народов к освобождению и независимости об'ясняется не только тем, что в Москве сидят большевики, но несомненно, что это обстоятельство значительно ускоряет процессы национального самоопределения. Процессы эти теперь уже не остановятся и с переменою власти в Москве. Но, повторяем, не ради полемики с проф. Головиным привели мы выше выдержки из его труда, а затем, чтобы показать, что и русские люди:

1. Признают уже наличие казачьего сепаратизма и говорят об этом более спокойно, чем это было до сих пор, и

2. Осуждают решительно политику Деникина и Врангеля, какую они проводили в 1918-1920 годах. — И осуждают военные авторитеты более высокие, чем какими были «белые» генералы.

лый баран. Армяне поделились своим вином, казаки напекли кукурузных лавашей.

Разговляться решили на открытом воздухе на сухой площадке перед домом, где устроили столы и скамьи из длинных досок, положенных на сосновые обрубки.

Когда все было готово, все заняли свои места и, пропев пасхальные молитвы, сели за скромный стол.

После обеда все встали из-за стола. Из казачьих грудей полилось торжественное «Христос Воскресе», теряясь в необ'ятных просторах горного плоскогорья.

По окончании молитвы, Джигит обратился к собравшимся:

— Станичники, споем теперь наш гимн. Он для нас та же молитва и утешение в нашей бездомной жизни.

И с чувством и под'емом понеслись к небу: «Ты, Кубань, ты наша родина, вековой наш богатырь»... Лица казаков сделались вдруг особенно грустными и задумчивыми. Вкладывая всю душу в эти слова, казаки мысленно уносились в недавнее прошлое, когда Кубань, возродив из пыли веков свою былую независимость, зажила привольной созидательной жизнью, согретая теплыми лучами вольной волюшки и, когда казаки — сыны ее, полные радужных надежд, верные заветам своих предков, готовы были все отдать на алтарь государственного строительства и благополучия своей родины на ее историческом казачьем пути.

«О тебе здесь вспоминаючи, песни дружно мы поем про твои станицы вольные, про родной отцовский дом»...

Стройно закончили казаки, оставаясь неподвижно с обнаженными головами.

— Да, станичники, начал после некоторого молчания атаман Нагаец, наш гимн глубоко западает в сердце и сильно волнует всякую казачью душу, т. к. он говорит нам о том, что для нас дороже всего на свете и слова его звучат для нас, как слова присяги. Сейчас мы, оставившие наши родные станицы, поем о них в наших песнях, а настанет момент и мы не задумаемся и жизнь свою отдать за родимые курени...

— Что-ж, г-н атаман, если нам суждено умереть, так и умрем вольными, а не рабами. Смерть нам не страшна и я глубоко верю, что если мы не сумеем защитить наших родных станиц, то наша смерть послужит залогом того, что молоде казачество, оставшееся в станицах, скованное рабскими цепями незванных гостей, вспомнит нашу жертву и сбросит с себя ненавистное иго и тогда над казачеством засияет солнышко казачьей воли и согреет и оживит казачью душу... Потомки вольных никогда не будут рабами, — заключил Майборода.

(Продолжение следует)

Думы и мысли

Ростки

(Памяти священномученика Алексея Ивановича Кулабухова)

Перекрестясь, бросает пахарь в рыхлую землю зерно. Умрет оно. Само погибнет, зато плод потомство даст.

Перекрестясь, отважно в бой с врагом идет боец. Может и погибнет он. Кровь, пролитая за правое дело, за други своя пролитая, потомству благо приносит.

И волны радости людской в дни Светлого Воскресения суть плод святой крови Невинного, древо Креста обагрившей.

И волны радости людской в днях своих народных, национальных торжеств — суть плод труда, терпения, страданий, борьбы и пролитой иногда крови деятелей, что собой жертвовали на благо человечества, своего народа или идеи.

Нет в природе смерти, нет разрушения, — есть изменения, перемещения; нет смысла в понятии: погиб, ибо ничто не погибает; нет и вечной неволи, порабощения, ибо все имеет свой черед в беспрерывном звене событий жизни.

Не настала еще очередь народу эстету, народу певцу, с берегов Днепра-Славуты дополнять сокровищницу культуры людской плодами своего творчества.

Не настала очередь и детям Дона, Кубани, Терека, Урала размежевать Великую Духом Азию от сытой лишь телом Европы.

На все свой черед.

И вы, реки Каспия и Черного моря, что с детьми-народами своими охранили Европу от Азии Батыя, Чингиз-Хана, Тамерлана, — какую благодарность получили?

Деникина, Врангеля, Колчака?

Руину?

Нет, не руину! И Деникин, и Врангель, и Колчак, и Махно, и Филимонов, и, наконец, граф Граббе — не враги.

Это посланные судьбой-историей люди, чтоб разбудить нас, показать нам пути, по которым должны мы итти. Теперь итти. Не раньше, ибо теперь лишь история нас позвала. На дело. Какое? — Не мы, она ведает.

Эти люди, Деникин и Ко есть косвенные творцы Украины, Казакии!

Дико, правда, звучат слова сии. Для нас, теперь. Правду в них поймут внуки, потомки наши.

Велика созидающая сила любви. Но не меньше ее и сила ненависти. Есть смысл и потребность в творчестве. Такой же есть смысл и потребность в разрушении...

Чтоб строить новый дом на месте старого, нужно сначала снять, разрушить старый.

Чтобы влить в сердца Казачества желание — быть хозяином, а не слугою, нужно было, чтобы какая то сила, какие то люди дали понять казакам, что они в России лишь слуги, а хозяин кто то иной. И Деникин сильно, точно, рельефно показывал казакам, что он хозяин, а они его слуги. Он властелин, а они его рабы: не земля и добро, но и их жизни в его волеруках. Деникин и его соратники сеяли, обильно сеяли зерна ненависти Казачества к России «белой», а армия большевицкая — к России «красной».

Что там, на просторах Казакии растет, того точно не знаем. Но если здесь, в эмиграции, буйно разростается не территорией земли, а мощью, порывом сердец вольная Казакия, то там, пролитая кровь бойцов и мучеников дает еще более буйные ростки.

Мы **помним**, а они там **видят** могилы; мы **чествуем** память героев, а они целуют, горя местью, землю на могилах их.

Буйные ростки дает работа Атамана И. Билого. Он сеет любовь к воле, к Вольной Казакии. Мощным трудом-призывом к об'единению чертит грань между казаками слугами и вольными сынами Казакии.

А тот, Великий сын Кубани, чье сердце полно было любви, любви пастыря, в ростках, что в миллионах сердец коренятся, дает Казакии другую созидающую силу — силу ненависти к мучителям.

Да позволено мне будет в сем месте высказать свой взгляд на смерть-жертву А. И. Кулабухова.

Если-бы Христос внял бы голосу еврейского княжича-патриота Иуды из Искариота и, по входе в Иерусалим, взбунтовал бы чернь - народ против римлян, что выросло бы из такого деяния — Христианство или еврейское лишь царство?

Если бы А. И. Кулабухов внял бы просьбе своих

друзей и скрылся от врагов, остался бы жив, — мог ли бы он там, в краю родном или здесь, в эмиграции, выполнить то, что его жертва сейчас дает и столетиями будет давать? Давать — ненависть к поработителям, готовность — каждому в своей роли — все — и жизнь — отдать за Край Родной. Его несокрушимая воля: пострадать за Кубань, то воля Великого Пророка, что далеко, впереди, в туманной дали событий, видел ростки-плоды своей жертвы.

Правда в словах нашего Атамана И. Билого, что «дело выиграет только героизм активный» («ВК» №187, стр. 6).

Вырастить-воспитать в миллионах сердец героизм-жертвенность Отчизне фактом личного примера — это удел единиц в истории народов. Это героизм особых счастливцев, героизм, по последствиям, сверхактивный:

«Я думаю, что моя смерть будет полезной Кубани».

А я думаю, что Великий мой собрат не «думал» только, он пророческим взором видел, знал, что именно такая его смерть будет полезной Кубани.

И не Кубани только!

Думы какой то тоски, сожаления вызывает во мне Великий образ сего священномученика. Был и я почти в аналогичном положении. В конце января 1918 года я, заштатный временно священник, в роли комиссара 12-й украинской дивизии, перебросил эту дивизию с Румынии в Каменец-Подольск. Там сосредоточены были остатки 3-го, 12-го и 26-го корпусов, — сбольшевиченный элемент этих частей Русской армии. Смерть висела над моей головой. Судьба не удостоила, жертвы не приняла. На чужбине существую. А жить или умереть хочется.

А может-быть еще увижу моих — Украину и Казакию вольными!

Говорю «моих», ибо — родные мне. Предки — казаки, выходцы с Дона, со ст. Нижне-Чирской, на Украине, в Подольской губернии, в сане духовном подвизались. Кровь, отец мой — Дон, моя мать — Украина. Оба кровью политы, могилами покрыты...

Зачем и кому нужна моя тут жизнь-кровь? Или здесь, на чужбине, и могила будет? Кому, что даст она — и жизнь, и могила?

Скажи, научи, собрат Великий, — что делать, с чего начинать?

Я, одинокий, на все готов...

Священник Димитрий Чирской.

Казачья эмиграция

В. К. в Польше

К КАЗАКАМ В ПОЛЬШЕ

В 1934 году я очутился в г. Луцке, на Волыни. С переездом на новое место, я сейчас же постарался узнать, нет ли в Луцке казаков. А в конце ноября, я познакомился с **Н. В. Шлыковым** (ВВД). В начале декабря 1934 года мы послали общее поздравление на имя редакции журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво» — к празднику 10 декабря.

С этого момента зародилась мысль об основании ядра в. казачьей организации в Луцке. Сначала предполагалось сформировать только в. казачий курень или хутор. Но немножко позже И. В. Ш. Познакомил меня с хор. Т. К. В. **Г. К. Диктаровым** и ВВД **В. И. Васильевым.** Когда нас уже было больше, мы расширили и вопрос в. казачьей организации, разделив между собою роли этой работы. Я взял на себя: переговорить по этому вопросу с местными властями, выяснить им наши цели и задачи и узнать их взгляд на наше в. казачье движение; списаться с Походным Атаманом и просить его помочь нам в этом деле, т. е. в деле легализации существования здесь в. казачьей организации. Последняя моя обязанность — это выработать проект статута будущей в. казачьей организации в Польше. Другие взяли на себя обязанности: собирать адреса казаков, распространять журнал «ВК» и пропагандировать его идею.

Спустя некоторое время, я получил письмо от подхор. **И. А. Пастушкова,** ВВД. В письме сообщалось, что в районе Кошары проживает несколько казаков, которые тоже стремятся к своей в. казачьей организации. А еще спустя некоторое время, я списался с под'есаулом С., ВВД, проживающим в воеводстве Полесском, и подх. Б. — ККВ, проживающим в воеводстве Любельском.

Как под'есаул С., так и подх. Б. сообщили мне, что в тех воеводствах проживают казаки и что тоже желают своей в. казачьей организации.

Поступали письма и из других районов, где проживают казаки и во всех этих письмах высказывалось желание иметь здесь свою казачью организацию, которая стояла бы на платформе ВК.

И мы с полным сознанием приступили к созданию в Польше организации с целью распространения ВК идеи, защиты своих казачьих традиций и для оказания друг другу моральной помощи. Для этого нужен был статут уже не только утвержденный на воеводство Волынское, а на всю Польшу.

Поэтому, совместно с варшавскими в. казаками я подписал прошение об утверждении статута «Союз Вольного Казачества в Польше» и с С. Г. Бородиным (ВВД) передал его властям на утверждение. Через 2-3 недели после этого в «Иллюстрированном курьере Краковском» 7-X-1935 г. появилась заметка о том, что в Польше будет еще одна организация, под названием «Союз В. К. в Польше». Этот статут и находится на пути к утверждению.

Так началось дело создания в. казачьей организации в Польше. Для всего этого мы имели и имеем инициативу, журнал «ВК» и добрую нашу волю. Материальных средств, к сожалению, не имеем никаких.

Еще когда я был в Кубанском учебном студенческом баталионе в 1920 году в городе Екатеринодаре, наш баталион нес караульную службу и перед эвакуацией очень часто от баталиона высылался караул на вокзал Владикавказской жел. дор. Это было в конце февраля, когда там грузили в вагоны войсковое имущество: кожи, обувь, обмундирование, муку и другое. Денежные средства и исторические ценности Кубанского Войска были вывезены из Екатеринодара гораздо раньше. Только небольшая часть серебра (мелкие монеты 5, 10, 15 и 20 коп.) осталась и была эвакуирована с обозом Кубанского правительства.

4-го марта (по ст. стилю), еще далеко до рассвета, оставив гор. Екатеринодар и перейдя через железно-дорожный мост, наш батальон направился через плавни к аулу Тахтамукай, где он должен был занять позицию и сдерживать наступление противника. Но вечером того же дня нам сообщили, что эту позицию займут конные гайдамацкие полки, а батальон пойдет на подкрепление бригады под Садовое, очищая дорогу отступления от «зеленых».

Через станцию Гойты (гора Индюк) батальон направился к селу Садовому, ликвидируя зеленых, а потом в Туапсе. Здесь присоединилась к нам команда, сопровождавшая батальонный обоз. От нее я узнал, что батальонный обоз остался в плавнях, а так же и часть правительственного обоза, в котором было немного и войскового серебра. Но там погибла небольшая часть серебра. Главная же часть серебра и золота, как Кубанского и Донского, была вывезена своевременно и находилась в распоряжении Войсковых Атаманов и Войсковых правительств.

Мне неизвестно, где хранятся войсковые средства, в чьем кармане они находятся, а если их уже нет, то мне также неизвестно, на какие цели они израсходованы. Мне неизвестны случаи, чтобы Донской Войсковой Атаман, покойный ген. А. П. Богаевский, оказал кому нибудь из донских казаков материальную по-

мощь, или бывший исполнявший обязанности Войскового Атамана Кубанского Войска инж. В. Н. Иванис, или выбранный на о. Лемносе ген. В. Г. Науменко оказал помощь кубанским казакам, а так же неизвестно мне, чтобы помощь оказывалась Терским Атаманом терским казакам.

Но мне известны случаи отказа в помощи. Известны случаи, что когда необходимо было помочь больным, старикам и вообще нуждающимся и бедствующим казакам, но им помогали из пожертвований, собранных среди казаков... И для поездки ген. Науменко в Америку средства собирались среди казаков. Была собрана некоторая сумма, но куда она пошла, мне не известно.

Мы свое дело начали без средств. Начали его для того, чтобы об'единить казаков и общими силами попогать морально тем, кто падает духом и материально, если мы найдем для этого средства и способы. Главная же задача — распространение журнала ВК и его идеи.

Но, к моему огорчению, ко мне поступает в последнее время все больше и больше писем и прошений, в которых казаки жалуются на свое тяжелое материальное состояние. Охотно всему этому верю, что казакам тяжело и в эмиграции и у себя дома, на своих казачьих землях... Но особенно удручающее впечатление на меня произвели **несколько прошений,** присланных на мое имя, **с разных населенных казаками пунктов, написанных одной рукой,** с просьбой о ежемесячной материальной помощи. Я не хочу отрицать указанного в прошениях тяжелого положения казаков, но не хочу согласиться с тем, чтобы только что в начатом нашем казачьем деле **уже начала свою вредительскую работу** чья то коварная, чужая рука. Не могу поощрять и того, чтобы кто-то, называя себя казачьим полковником, или есаулом, или просто казаком, неправильно информируя казаков о начатом в. казачьем организационном деле и обещая им материальную помощь от нас, за эти обещания вытягивал бы от казаков тяжело заработанный, а иногда и последний грош...

Не хочу, чтобы повторилась история Голованичева, Хлебникова и Боговича, которые, обещая казакам поселить их на землю в Африке, брали с них по 60 злотых, обманывая, что имеют свою организацию и колонию в Африке. А когда их, как обманщиков, арестовали, то на них к судебным властям поступило 500 жалоб за то, что они взяли у жалобщиков по 60 злотых. («Русское Слово» от 25 июля 1935 г.)

Казаки! Сколько раз вы были обмануты?

Я не буду перечислять всех случаев обмана, пожелаю только, чтобы случай с Алжирской колонизацией был последним и прошу (но пусть эта просьба звучит в ваших ушах приказанием скованного крепкими цепями Казачества там) беречь ВК движение.

Берегите движение Вольного Казачества; теснее сомкните его ряды, чтобы сквозь вашу густую цепь не могла просунуться к нему дерзающая, злая рука провокатора и не стала спекулировать им и компрометтировать его.

Вольные казаки хотят жить честно и благородно. Казачество для них дорого и они за него умрут с честью и гордостью, когда это будет нужно. Но не допустят в свою среду особ, намеревающихся подорвать авторитет ВК и желающих сбить его с позиций, занятых на политическом фронте. Поэтому, чем плотнее мы сомкнем свои ряды, чем лучше себя оградим от провокаторов, тем скорее мы будем у цели начатого дела.

От самозванцев всем казакам следует неукоснительно требовать документы от властей на право жительства, а казаки уже связанные со мной (районы: Луцк, Ровенский у., Кошары, Дубенский у., Владимир Волынск, Одзютыче, Цумань, Томашувка, Красный Став и Травники Любельские) должны требовать от лиц, выдающих себя в. казакам ведущими ВК работу, еще полномочий от Походного Атамана ВК.

О статуте будет сообщено дополнительно.

Инж. **Ф. Штовхань**

В. К. в Чехословакии

ПРИГОВОР

Вольноказачий курень у Чес. Будейовиц, после сбора «10 декабря» в гор. Праге, собравшись на свой куренной сбор, постановил:

1. От сегодняшнего дня, годовщины смерти генерала службы Всевеликого Войска Донского Т. М. Старикова, наш курень считает его своим шефом и именуется:

Вольноказачий ген. лейт. Т. М. Старикова курень в ЧСР.

2. Атаманом куреня выбран боевой есаул Виссарион **Анисимов** сроком на 1 год, т. е. до 10 декабря 1936 г.

3. Курень сердечно приветствует в сегодняшний день своего Походного Атамана И. А. Билого и желает ему много сил и здоровья.

4. Курень сердечно приветствует молодцов окружных атаманов: П. Полякова, А. Ленивова, С. Маргушина, приветствует атаманов вольноказачьих станиц, хуторов, куреней и всех вольных казаков.

5. Курень приносит глубокую благодарность донскому поэту **К. К. Полякову** и **Петру Леонтьевичу Макаренко** за устройство в Праге сбора «10 декабря».

В. К. в Югославии

В СМЕДЕРЕВО

20 ноября, в день мученической смерти казака патриота А. И. Кулабухова, Смедеревская В. К. станица устроила траурное собрание.

Посредине станичного правления, перед ликом казака мученика А. И. Кулабухова, горела лампада. Собралось много казаков.

Станичный атаман И. П. Сурмач предложил собравшимся встать и почтить память покойного 3-х минутным молчанием.

После этого атаманом была прочитана целиком статья из журнала «Казачество» № 49, «А. И. Кулабухов», посвященная годовщине его мученической смерти.

Потом атаман прочитал стихотворение С. Макеева «Памяти А. И. Кулабухова».

Поблагодарив присутствующих за внимание, оказанное казаку мученику, атаман закрыл собрание.

(Соб. кор.).

В КРАЛЬЕВО

В день своего праздника казаки националисты, собравшись пошли в церковь помолиться Богу за судьбу Казачества — как за тех, кто до сих пор живет под игом красных оккупантов, так и за тех, кто, рассеянные по чужим землям, с тягостью несут свои безотрадные дни, живя лишь надеждой, что Бог, в Его предвечной правде, оглянется на нашу борьбу и поможет нам увидеть нашу страну и наш родимый народ — снова собраннным во едино и снова, как в далекую старину, свободным и вольным.

После молитвы, зашли в кафану, чтобы в братской беседе вспомнить всех нам дорогих и близких.

Первый тост был провозглашен во здравие и благоденствие Его Величества Короля Югославии, как знак нашей искренней признательности за Его Высокое Покровительство и братское гостеприимство Его народа. Второй — во имя и славу всего Казачества. Третий — за Походного Атамана ВК, под водительством которого развивается наша национальная борьба за свободу Отчизны. Пили так же за здоровье окружных атаманов и всех вольных казаков, в уверенности, что наша общая борьба за свободу своего народа будет самоотверженной да конца и, даст Бог, увенчается победой.

В заключение атаман станицы сказал: «Пожелаем

всему Вольному Казачеству быть сильным и непобедимым, быть крепко спаянным в своей внутренней организации, чтобы показать врагу, что мы, казаки националисты, действительно сыны наших предков, что мы тоже, как и они, готовы защищать свою страну до конца. И если надо — жизнь свою положить в этой борьбе — мы готовы и на эту жертву»...

А еще в заключение станичник **И. М. Назаров** прочел сообщение на тему: «Казачий долг в эмиграции».

«Казаки с воодушевлением выслушали и от всей души благодарили его», как говорит о том атаманская резолюция.

Так был отпразднован праздник 10 декабря 1935 года в Кральевской в. к. станице.

Слава Казачеству! Слава Походному Атаману и да здравствуют и не забывают свой освободительный долг казаки националисты!

Атаман ВК Петра Кальнишевскаго станицы
Еф. Кривец

В. К. во Франции

В ЛИОНЕ.

День памяти Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухова

Союз Вольных казаков (сепаратистов) имени Донского Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе ознаменовал 16- годовщину трагической гибели от рук русских людей Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухова устройством дня памяти безвременно погибших ратоборцев за казачью свободу.

В субботу, 23-го ноября, в 6 часов вечера, в помещении Союза, состоялось открытое собрание, посвященное памяти Н. С. Рябовола и А. И. Кулабухоха. Председательствовал председатель Союза **Н. Н. Юров,** произнесший речь следующего содержания:

«Станичники! открывая настоящее траурное собрание, имею часть обратить ваше внимание на факт, что и Н. С. Рябовол, и А. И. Кулабухов являлись в момент своей гибели — выборными представителями казачьего народа. Этот момент ни в коем случае не может исчезнуть из казачьей памяти, ибо на казачьей земле была пролита кровь лучших казаков, пролита русскими людьми, бежавшими от произвола и насилия своего народа в наши родные казачьи края и пытывшихся создать «Единую, Неделимую Россию» ценой гибели многих десятков тысяч казачьих жизней. Три пули в спину Рябовола, веревка на шею Кулабухова — позор палачам и залог единства и жертвенность в рядах их последователей — вольных казаков, коих и приглашаю в данный момент почтить молитвенным вставанием память тех, кто за проведение идеи казачьей государственности в жизнь заплатил своей собственной жизнью.

Вслед за этим произнесли речи — хорунжий **С. С. Настоящев, И. Мельников** и сотник **В. Криштопа.**

По окончании официальной части собрания всем присутствующим было предложено от имени Союза по стакану вина.

В КАРКАССОНЕ.

1-го декабря казаки Вольно-казачьей имени генерала Мамонтова станицы во главе с атаманом хорунжим **Марченко** вознесли горячую молитву Всевышнему Творцу об упокоении душ погибших казачьих патриотов от руки московских палачей: Кулабухова, Рябовола, Чернецова, Бардижа и умершего шефа станицы ген. Мамонтова.

Панихиду с коленопреклонением соверших священник о. Леонид Хроль. В молитве принимали участие и русские казаки.

День этот у вольных казаков ознаменовался приятным событием. В присутствии станичного атамана и членов станицы над 8-ми месячным казаченком совершено таинство крещения и вновь вступившего в станицу Павла Андреевича **Аверьянова,** атаман внес в станичный список.

Первый бокал, как и подабает, отец, виновник торжества, поднял за Походного Атамана и его ближайших помощников, а под конец дошла очередь и до Павла Андреевича. **(Соб. кор.).**

В ТУЛУЗЕ

Тулузская ВК станица устраивает елку для детей казаков и их друзей с большим концертным отделение. Елка состоится в субботу 28 декабря в зале кафе-ресторана: 3 пляс Фабр. Начало елки в 4 часа дня. После елки танцы для взрослых.

Вольными казаками джигитами 4-го января 1936 года будет дан концерт в зале Тулузской консерватории. Концерт будет сопровождаться живыми картинами из «Трагедии казачества».

Выступает знаменитый танцор — король кинжалов — **Сопильняк.**

Начало концерта ровно в 9 час. вечера.

ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ КОМБАТАНТАМ ВО ФРАНЦИИ

Напоминаю, что с 15 сего декабря начинается обмен комбатантских карточек. Для обмена карточки следует соблюсти нижеследующее:

1. Прислать старую карточку с приложением одной фотографической карточки.

2. Прислать 12 франков членского взноса и 2 франка на почтовые расходы.

3. Указать точный адрес.

Все безработные имеют право на получение карточки на льготных условиях. Для этого следует прислать удостоверение от вольно казачьей организации в том, что проситель — безработный, с приложением 5 франков (3 фр. в счет членского взноса и 2 фр. — почтовые расходы).

Казаки, желающие получить комбатантскую карточку на два года (1936 и 1937 г.г.) должны прислать двухлетний членский взнос — 24 фр. и 2 фр. на почтовые расходы.

Для гор. Лиона порядок обмена комбатантских карточек остается прежний.

Вольные казаки, не состоящие в союзе комбатантов, но желающие в него вступить, должны прислать краткую выписку из послужного списка о прохождении службы и кроме того сообщить сведения:

1. Какого Войска, округа и станицы. 2. Год рождения и вероисповедание. 3. Чин или звание. 4. Прохождение службы и в каких частях. 5. Год производства в первый и последний чин или звание. 6. Ордена и знаки отличия. 7. Ранения и контузии.

Краткая записка о прохождении службы должна быть засвидетельствована станичным, хуторским или куренным атаманом или же подписана двумя вольными казаками.

Приложить 3 фотографических карточки, указать точный адрес, № карт дидантитэ и где выдана, 12 франков членского взноса и 2 фр. на почтовые расходы.

Получить комбатантскую карточку имеют право все г.г. офицеры, военные чиновники и казаки, принимавшие участие как в великой войне, так и в противобольшевицкой, а так же служившие в указанный период: в военных госпиталях, военно-учебных заведениях, интендантствах и т. д.

Участники противобольшевицкой войны имеют одинаковые права с участниками великой войны.

Вновь вступающим членам в союз вольных казаков комбатантов двухлетние карточки будут выдаваться только по рекомендации окружного атамана в. казаков во Франции.

Председатель вольных казаков комбатантов во Франции, есаул **Кувиков.**

Адрес:

Mr. Kouvikoff, 3, chemin de Bron, Venissieux (Rhône).

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple, Paris (XI[e]). La Gérante: A. Laizé.

Украинская Книжная Агентура в Париже

под руководством І. ХМЕЛЮКА

предлагает Гг. читателям «Вольного Казачества» книги по казачьему вопросу.

Условия приобретения книг: только за наличные при заказе плюс 10% стоимости заказа на перес. Заказы направлять по адресу редакции журнала

«ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО»

10, *Rue Victorien Sardou. Paris* (16).

FRANCE.

Авдеев П. Историч. записка об Оренбургском казачьем войске 1873 г. Оренбург. 1904. 182 страницы 15

Байер С. Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего гор. до возвращения его под Рос. державу. С нем. 1738 г. 284 страницы 40

Бацевич. Материалы для изучения Амурскаго края в геолог. и горнопром. отношении. 1896. 169 страниц 40

Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Исследование. Карта. 1869. 651 стран. 75

Белявский кап. Донские гирла, гидрографическое исслед. 5 планов. 1872. 65

Бирюков И. полк. История Астраханскаго войска с илл. 3 тома 20

Бородин Н. Уральское казачье войско. Статист. описание. 10 карт, 1118 стр. 45

Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историч. монография, рис. на отд. лл. карта. 1897. 1120 страниц 125

Витевский. И. И. Неплюев, организатор Оренб. края. Казань. 1894. 28 стр. 7

Галкин. Этнографич. матерьялы по Средней Азии и Оренбургск. краю СПБ. 1867. 250 стран. 20

Головачев. Черноморско-кавказское побережье. 1903. 24 стран. 5

Город Екатеринбург. Сборник историко-статист. и справочных сведений по городу с адресным указателем. 10 чертежей. 1889 70

Грот Я. Материалы для истории Пугачевского бунта. 1875. 114 страниц 10

Дебу И. О кавказской линии и присоединении к ней Черноморского Войска или общее замечание о поселенных полках, ограждающих кавказск. линию и о соседних горских народах 1816-1826. СПБ. 1829. 698 стр. 28

Дмитриенко. Опись казачьих дел Московск. отд. арх. гл. штаба. 1899 40

Дмитренко-Мамонтов. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Очерк по докум. генерала Деколонга. 1898. 256 стр. 20

Дмитриев-Мамонтов. Пугачевщина в Сибири. 29 илл. на отд. лл. 1907 20

Донцы XIX века. Биографии донских деятелей. 78 портр. в тексте. 1907. 472 стр. 25

Дубровин. Пугачев и его сообщники, по неизданным источникам. 1 карта. 1884. 3 тома. 125

Донские дела. Переписка Войска Донского с Московск. гос. в 15 веке. Только томы 2-й и 4-й. За оба тома 110

Ермолов. А. Петр. Ермолов (1777-1861). Биогр. очерк. Портр. рис. 30

Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края с 1246 по 1832 гг. 78 страниц 8

Завалишин. Описание Западной Сибири 1862-1876 гг. 3 тома. 835 стр. 40

Заговский. Организация управления Новорос. края при Потемкине в 1777-1791 гг. 1913. 33 стр. 8

Записки Ростовск. на Дону О-ва историч. древностей природы. Т. 1. Илл. 1912. 295 стр. 50

Иверсен. Медали, пожалованныя имп. Екатериной II некоторым лицам Войска Донского. 1 таблица. 1870. 26 стр. 20

Известия О-ва любит. изучения Кубанской области под ред. Сысоева. 21 табл. 1899-902. 3 вып. 75

Игнатий архиеп. Речи христолюбивому воинству донскому. 1845, 120 стр. 30

Иловайские и Донские казаки. 7 порт. 1914. 96 стр. 8

История Лейб-Гвардии Казачьего полка. 1876.644 страницы 50

Известия О-ва любителей изуч. Кубанской О-ти вып. 6 под ред. Городецкого, иллюстр. 1913. 337 страниц 30

История Оренбурга (1730-1750). 1896. 93 стр. 10

Карпов. Уральцы. Ч. 1. Яицкое войско от образования 1550 г. до 1725 г. с рис. 1000 стр. 35

Казин. Казачьи войска под ред. Шенк., справочная книга главной квартиры. 1912. 474 стр. 32

Кастанье. Древности киргизских степей и Оренбург. края. 21 таблица. 1910. 449 стр. 125

Квитка. Записки казачьего офицера, война 1877-1878 гг. 1903. 306 стр. 30

Короленко. Черноморцы. Карта. 1874. 228 стр. 35

Костомаров. Бунт Стеньки Разина. 1859. 237 стр. 20

Краснов. Казаки в Абиссинии. 1897-98 гг. Рис. в тексте. 472 стр. 18

Краснов. Земля Войска Донского. Карты. 1863. 553 страницы 50

Кривощеков А. Историч. судьбы Оренбург. края. Краткий очерк заселения и развития края. Уфа. 1913. 45 стр. 7

Кубанское Казачье Войско 1688-1888 гг. Сборник кратк. сведений о войске под ред. Фелицына. Многоч. снимки на отд. лл. 438 стр. 70

Кубанский сборник на 1883 г. 1114 стр. и Кубанская справочная книга ред. Фелицына на 1883 гг. 251 страница. Вместе 45

Кубань и Черноморское побережье. Справочная книга 1914 г. 355 стр. 18

Кузнецов. Сказания и догадки о христианск. имени Ермака. 1891. 35 стр. 6

(Продолжение следует)

Розыск:

Александра Владимировна **Михайлушкина** розыскивает полковника Александра Игнатьевича **Михайлушкина.** Всех, знающих о нем, просят сообщить по адресу:

Tchécoslovaquie, Praha VII,

Bélského, 42, A. V. Michailuskina.



Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: **M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)**

Imp. « Coopérative Etoile », 18 et 20, rue du Faub. du Temple (XI^e^). La Gérante : **A. Laizé.**